

52. Yakobson A. L. Mangup. Otchety (raskopki 1938 g.). Dvorec. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, Moscow, Leningrad, Akademia nauk SSSR Publ., 1953, Vol. 34, pp. 390-418.
53. Fronçois V. Elaborate Incised Ware: un témoin du rayonnement de la culture byzantine à l'époque Paléologue. *Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya X-XVIII vv.*, Kiev, Stilos Publ., 2005, pp. 195-208.
54. Vroom J. *Byzantine to Modern Pottery (7th to 20th Century). An introduction and Field Guide*. Bijleveld, Parnassus Press, 2005, 223 p.

Науменко В. Е., Душенко А. А.

Княжеский дворец Мангупского городища: помещение Н южного участка комплекса (по материалам коллекции Р. Х. Лепера Государственного Эрмитажа и современных археологических исследований)

Резюме

В статье публикуются полные результаты археологических исследований помещения Н княжеского дворца Мангупского городища в 2008-2009 и 2015 гг.

Помещение Н является одним из определяющих для установления хронологии и характеристики функционального назначения южного участка дворцового комплекса, сооружения которого сосредоточены вдоль «южной дворцовой улицы» — топографической границы дворца в этом направлении. В ходе подготовки публикации удалось значительно пополнить коллекцию находок за счет группы показательных глазурованных сосудов из первоначальных исследований Р. Х. Лепером помещения Н в 1912 г. Сейчас эти изделия хранятся в фондовом собрании Государственного Эрмитажа.

Хронология помещения Н относится к узкому промежутку времени — в пределах 1462-1475 гг. Оно было построено на месте более ранней городской застройки. От этой застройки сохранился ряд хозяйственных и жилых комплексов — яма № 34, засыпанная окончательно при возведении помещения Н около 1462 г., а также скальное сооружение первой половины X в. Гибель помещения Н связана с событиями штурма Мангупа турецкой армией в 1475 г.

Ключевые слова: Мангупское городище, дворец, княжество Феодоро, помещение Н, глазурованная керамика, Византия, монограмма.

Naumenko V. E., Dushenko A. A.

Prince's Palace in Ancient Mangup: Room N in the Southern Area of the Complex (According to the Materials of R. Kh. Leper's Collections in the State Hermitage Museum and Recent Archaeological Researches)

Summary

This article publishes full results of archaeological researches of Room N of the Prince's Palace in Ancient Mangup in 2008-2009 and 2015.

Room N was among the most important complexes allowing us to determine the chronology and the function of the southern area of the palace complex which rooms concentrated along the "southern palace street", the topographical border of the palace in this direction. Preparation of this publication considerably enlarged the collection of finds with a group of demonstrative glazed vessels from R. Kh. Leper's initial excavations in Room N in 1912. Today these finds reside in the collection of the State Hermitage Museum.

The chronology of Room N embraces narrow period within 1462-1475 AD. This structure was built on the site of former urban buildings. There are several residential and economic buildings survived in this area, such as Pit no. 34, which was finally covered with soil when building Room N ca. 1462, and bedrock construction from the mid-tenth century. Room N collapsed in relation to the assault of Mangup by the Ottoman army in 1475.

Keywords: ancient Mangup, palace, Theodoro principality, Room N, glazed ware, Byzantium, monogram.

Н. В. КАШОВСКАЯ

К ИТОГАМ ИЗУЧЕНИЯ КАРАИМСКОГО НЕКРОПОЛЯ В УЩЕЛЬЕ ТАБАНА-ДЕРЕ (МАНГУП): ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ¹

Караимский некрополь Мангупского городища, расположенный в ущелье Табана-дере, является одним из наиболее известных и одновременно одним из наиболее изученных иудейских некрополей в Крыму. О нем сохранили описания первые исследователи городища еще в конце XVIII — начале XIX вв. С 1830-х гг. некрополь становится объектом пристального научного интереса².

П. С. Паллас в своих «Наблюдениях, сделанных во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-1794 гг.» приводит сведения о Мангупе, относящиеся к самому концу XVIII в., когда его обитатели уже покидали городище. В традиционной для литературы этого времени форме он сообщает, что город оставался населенным лишь в кварталах, которые примыкали к синагоге и где «несколько домов занимали жиды». П. С. Паллас обратил внимание на формы надгробий местного кладбища, отметив там только «двурогие гробницы». По его мнению, «еврейское» кладбище доказывало, что «здесь жил этот народ» [48, с. 64]. Оставленные развалины крепостных сооружений и церквей, за исключением мусульманской застройки, академик связывал с генуэзским периодом и пояснял, что «основание города не относится к очень глубокой древности» [48, с. 65].

Позже, в 30-х гг. XIX в., в путешествие по Крыму отправляется другой ученый немец, П. И. Кеппен [27, с. 26]. Он много путешествует, пишет путевые заметки, собирает старые легенды. По настоятельному совету Мордехаи Султанского, законоучителя из Луцка, «караимского раввина», по словам самого П. И. Кеппена, в 1833 г. автор будущего «Крымского сборника» предпринял путешествие на Мангуп, которое имело большое значение для решения вопроса о времени появления иудейской общины на памятнике

¹ Когда завершено обобщение многопланового материала, хочу еще раз выразить свою сердечную признательность Александру Германовичу Герцену, который на протяжении многих лет оказывал мне поддержку и содействие в полевых изысканиях в ущелье Табана-Дере. Моя огромная благодарность всем, кто помогал собирать полевую информацию и ее обрабатывать долгие годы: художникам и архитекторам — Никифоровой Татьяне, Буряковой Светлане, фотографам — Бушневу Евгению, Медведеву Павлу, Гезенцеву Александру, Варшаверу Евгению, Хейфецу Михаилу; топографам — Клыпину Николаю, Иванову Виталию; волонтерам — Беловой Светлане, Ивановой Светлане, Цветковой Кире, Кашаеву Сергею, Старкову Михаилу, Иванову Алексею, Сорокину Владимиру, Кизилу Михаилу и многим другим, которые поднимались на плато Мангуп на день-два туристами, и оседали на недели. Они были безотказными водносами, дровосеками, кашеварами — неопенимыми участниками отряда, налаживавшими его повседневную жизнь. Невозможно выразить словами на отведенных страницах ту теплоту друзей и помощников, которая поддерживала и согревала сильнее костра.

² В настоящее время это большая группа ученых филологов и археологов-эпиграфистов из России, Украины, Израиля, среди них: А. Л. Хосроев, Артем Федорчук, Михаэль Эзер (Макушкин), Дан Шапиро и автор статьи.

[67, с. 2, 99]. Мордехай Султанский, «последний знаток караимской традиции на Волыни» [9, с. 80-81, 151], кстати, сыграл важную роль в судьбе еще одного будущего исследователя мангупских еврейских древностей — Авраама Самуиловича Фирковича. Он невольно стал первым эпиграфистом Мангупа и первым историографом мангупской еврейской общины, проживая, вероятно, в татарской деревне Ходжа-Сала, расположенной и сейчас у подножия Мангупского плато. Именно в этом селении П. И. Кеппен встретил Мордехая с сыном. Заезжему путешественнику поспешили показать самые «древние камни» местного караимского некрополя. П. И. Кеппен видел «на жидовском кладбище надгробные камни с нечеткими уже надписями» [27, с. 29].

Наиболее древним на караимском кладбище П. И. Кеппен признал надгробие, показанное ему Мордехаем Султанским, с «датой 5034 г. по Творению мира или 1274 г. по Р. Х.» [27, с. 29]. Исследователь, не знавший языка надписей, допустил ошибку — «это могила какого-то Исаака сына Моше», в то время как оригинальная эпитафия посвящена Моше (Моисею), сыну Ицхака [21, с. 475; 27, с. 29, 269; 54, с. 213]. На эту ошибочную запись позже укажет А. Я. Гаркави в своем капитальном труде о крымских надгробных памятниках [67, с. 2-299].

П. И. Кеппен попытался в своей работе дать типологическую и хронологическую характеристику увиденным на Мангупе надгробиям. Основным информатором для него был смотритель Бахчисарайского Императорского (Ханского) дворца Е. Г. Булатов. На кладбище в Табана-дере П. И. Кеппен сумел определить шесть типов надмогильных памятников, отмечая особо, что «безрогие» надгробия были древнее «двурогих». Незначительное типологическое разнообразие роднит их, по его предположению, с формами надгробных плит, принятых у татар [27, с. 30-31]. По мнению автора «Крымского сборника», эпитафия и форма надгробия 1274 г. убедительно свидетельствовали о присутствии евреев-караимов в Мангупской крепости с XIII в. В «Полном географическом описании...» карт Российской империи в сведениях о Мангупе отмечается без колебаний, вероятно, со слов того же П. И. Кеппена, что «вместе с христианами в Мангупе жили и евреи-караимы, что видно из надписей на памятниках караимского кладбища, одна из которых относится к 1274 году» [50, с. 708-710]. О времени появления караимов на Мангупском городище П. И. Кеппен писал следующим образом: «Мангуп существовал уже в конце XIII в., и уже тогда в числе его обитателей находились евреи (караимы)...» [27, с. 29]. Сам же Мангуп, по П. И. Кеппену, был основан в византийское время и дальнейшая его история объяснялась им уже в связи с покорением городища «козарами» после 754 г. [27, с. 261]. Таким образом, в «Крымском сборнике» публикуется одна из первых «интерпретацией» хазарских следов в русской истории, а Мордехай Султанский можно назвать соавтором этой гипотезы, так как надгробие 5034 г. (1274 г. по Р. Х.) Мангупского караимского кладбища П. И. Кеппен указал по его информации.

Участие представителей караимских общин в обследовании и изучении кладбища в ущелье Табана-дере, как и всех других памятников еврейской средневековой истории в Крыму, началось в 30-е гг. XIX в. с высочайшего благословления императорского наместника графа М. С. Воронцова и местной Таврической губернской администрации. Более ранние («древнейшие») памятники на Мангупе еще предстояло открыть, как и услышать в связи с ними имя известного караимского просветителя А. С. Фирковича.

К 1839 г., когда инициатива руководства Таврической губернии совпала с личными собирательскими интересами начинающего «историографа» А. С. Фирковича, которому надлежало приступить к поиску всего того, что относится к ранней истории живущих в Крыму караимов [9, с. 106-108], крепость Мангуп-Кале уже создавала впечатление заброшенности и древности. Изыскания были начаты на Мангупе А. С. Фирковичем в 1839 г. Об этом сам он отмечал в комментариях к «Авне-Зик-

карон» (אבנֵי זִכָּרוֹן — с евр. «Книга памятных камней») [54, с. 209-210, 211-216, 217-223]. По тому, как комплектовался мангупский каталог в «Авне-Зиккарон», можно говорить о неоднократном посещении А. С. Фирковичем Мангупа (также в 1844 и 1846 гг.) и о целях его пребывания здесь.

Открывает «Книгу памятных камней...» свод надписей из «долины Иосафата Села га-Иегудим». Так А. С. Фиркович называл крепость Чуфут-Кале, расположенную в двух километрах от г. Бахчисарая. Значительно меньшим по объему является корпус эпитафий из крепости Мангуп (всего 71); в работе также представлены тексты с надгробных камней и из других уголков Крыма, где сохранились караимские надписи — пять надписей из Солхата (г. Старый Крым) и 29 из Кафы (г. Феодосия) [54, с. 209-210, 211-216, 217-223].

Таблица эпитафий Мангупа в «Авне-Зиккарон» охватывает незначительное количество надгробных камней некрополя в ущелье Табана-дере. Сам А. С. Фиркович насчитал немногим более 1000 надгробий на кладбище и был уверен, что они также караимские [9, с. 122, 126]. Плиты мангупского кладбища содержали архаичный, как ему казалось, шрифт, редкие, необычные для еврейской среды, имена, прозвища, которые, прежде всего, подчеркивали происхождение и самобытность их носителей. Однако еще при жизни А. С. Фирковича именно подлинность столь ранних еврейских надписей и древность надгробий Мангупа и Чуфут-Кале была взята специалистами под сомнение [37, с. 4-17; 57; 58; 47, с. 47-77; 62, с. 6-39]. Караимские древности попали в круг научных интересов ведущих гебраистов своего времени, таких как А. А. Куник, А. Я. Гаркави и др. Целый ряд ученых отвергли их древность [37, с. 16]. Мнение было высказано однозначное: на крымских караимских кладбищах не могут находиться надписи ранее середины XIII в. [37, с. 6; 67, с. 114-119].

На двух самых значительных караимских кладбищах в Крыму, в Иосафатовой долине вблизи Чуфут-Кале и в ущелье Табана-дере на Мангупе, в книге «Авне Зиккарон» большая часть надгробий датируется пятым тысячелетием еврейского летоисчисления (5000-й год наступает в 1239/40 г.). На могилах и в сборнике «Авне Зиккарон» дата передавалась разными способами. В эпитафиях, чаще всего, следовали традиционной формуле из четырех букв еврейского алфавита линейной записью — דשכז, где первая буква отвечала за тысячу (для четвертого тысячелетия буква «далет», для пятого — буква «гей» (ג)), вторая — сотни, третья — десятки, четвертая — единицы. Главный акцент в полемике делался на правильности датировки эпитафий, точнее, на способе передачи в надгробных текстах годов совершенных погребений. Участники дискуссии допускали, что имело место превращение букв ג в ל путем незначительных графических добавлений в начертание буквы «гей», что могло изменить датировку на 600 лет в сторону «удревнения» памятника, то есть сразу «вернуть» дату в предыдущее тысячелетие. Именно поэтому все надгробия из собрания А. С. Фирковича ранее 1240 г. попадали под жесткую критику. На некоторых эпитафиях дата шифровалась хроностихом или библейским отрывком, в котором помечались отдельные буквы, и дату, в этом случае, определяло сложение их числового значения. Изменить количество точек, слухов над буквами и корректировать, тем самым, обозначение даты было проще всего. Но доступнее был способ изменения на бумаге, в самом тексте «Авне Зиккарон», когда можно «малое счисление» вовсе не учитывать. Предполагая даже теоретически довольно обширный диапазон приемов для всех этих изменений, скептически настроенные участники научной полемики вокруг крымских еврейских древностей изъявили желание выехать на место и ознакомиться с ними.

Свое мнение высказала и комиссия Академии наук, которую создали из числа академиков-ориенталистов (А. А. Куник, М. И. Броссе, А. А. Шифнер, В. В. Вельяминов-Зер-

нов) для оценки степени достоверности собрания рукописей и эстампажей А. С. Фирковича, и которая год работала с коллекцией [52, с. 171-172; 9, с. 157, 166-167]. Комиссия посчитала «сомнительными сведения по истории и географии хазар, славян, греческих античных колоний из колофоносов свитков и надгробных надписей Чуфут-Кале и Мангупа» [9, с. 157, 166]. А. А. Куник, как тюрколог, счел необходимым высказать свое мнение публично. В статье «Тохтамыш и Фиркович» он заявил об абсолютной невозможности употребления тюркских имен на надгробиях III-VII вв. [37, с. 6].

С 1862 г. по приглашению А. С. Фирковича к редактированию его сочинений, которые к этому времени были практически готовы, приступил Д. А. Хвольсон [8, с. 367]. В 1866 г. он издает «Восемнадцать еврейских надписей из Крыма», где были собраны надписи с надгробных камней Чуфут-Кале, которые Д. А. Хвольсон признал как «безусловно, подлинными» [56, с. 108-141]. Для ознакомления с надписями на месте и для проверки он дважды, в 1878 и 1881 гг., проводил «раскопки на кладбищах» Чуфут-Кале и Мангупа [59]. Д. А. Хвольсоном были открыты 40 «камней» на Чуфут-Кале, о которых не сообщил А. С. Фиркович; древнейшие из надгробий относились к периоду 240-613 гг.

В своей следующей, уже фундаментальной, работе по надгробиям Чуфут-Кале («Сборник еврейских надписей») Д. А. Хвольсон сформулировал основные свои наблюдения над материалом исследований: «1) Фиркович имел желание и способность фабриковать подделки и, несомненно, делал это; 2) Однако Фиркович нашел много древностей (надгробные камни и рукописи), относящиеся к первому христианскому тысячелетию. Поэтому в каждом конкретном случае следует — на основании внутренних и внешних данных — решать, подделка перед нами или нет» [59, с. 42-43]. Тем не менее, публикация в «Сборнике еврейских надписей» всех обнаруженных противоречий в эпитафиях и манускриптах из коллекции А. С. Фирковича не смогла снять остроту развернувшейся дискуссии.

Главным оппонентом А. С. Фирковича и Д. А. Хвольсона стал А. Я. Гаркави, который, лишившись кафедры в Санкт-Петербургском университете, с 1870 г. стал хранителем фонда самого А. С. Фирковича в Императорской Публичной библиотеке. Он также изъявил желание познакомиться с надгробными надписями на месте. В Крым А. Я. Гаркави отправился с немецким гебраистом Г. М. Штраком. В 1876 г. он опубликовал капитальный труд по надгробным надписям, происходящим из Крыма [67, с. 2-254]. В нем А. Я. Гаркави объявил все памятники ранее XIII в. поддельными.

Полемика вокруг коллекции А. С. Фирковича к концу XIX в. приняла самые ожесточенные формы; обвинения в фальсификации были выдвинуты и другими ориенталистами [37, с. 4-17; 62, с. 6-39; 66, с. 222-235]. Но в то же время ни один из полемистов не дал объективной оценки самому историческому памятнику — кладбищу вблизи Чуфут-Кале. Это замечание можно с уверенностью отнести и к караимскому кладбищу в ущелье Табана-дере на Мангупе. Эпитафии этих некрополей представляли собой крупнейший «свод» письменных еврейско-язычных источников. Много лет спустя, Клавдия Борисовна Старкова, самый известный гебраист советской семиологической науки, о еврейских памятниках Чуфут-Кале высказала очень точное замечание о том, что сам надгробный памятник, как исторический источник, не должен вызывать у исследователей никаких сомнений [52, с. 172].

Таким образом, различные концептуальные подходы приводили к противоречивым выводам исследователей, изучавших одни и те же памятники. Это не могло не сказаться на характере и видах дальнейших работ на Чуфут-Кале и Мангупе и на отношении к получаемым результатам. С конца XIX в. обследования некрополей велись эпизодически и их инициаторами, чаще всего, выступало караимское духовное прав-

ление [31, с. 8; 12, с. 37-41; 6, с. 30]. Академическая наука оставляла лишь краткие замечания об этой стороне истории Мангупа, хотя еще с 50-х гг. XIX в. он становится объектом активного изучения археологами, начиная с графа А. С. Уварова.

Ф. А. Браун в «Отчете...» о своих работах на Мангупе в 1890 г. упоминал, что, когда он «работал наверху, на обширном караимском кладбище в Табана-дере производились раскопки» [6, с. 30-31]. Из его сообщения понятно, что эти работы не остались незамеченными караимской общественностью. По распоряжению Таврического и Одесского караимского гахама Мангулова, к изысканию были приглашены симферопольский раввин И. М. Султанский и преподаватель Феодосийской караимской школы Я. М. Кокинай, «с целью найти неоспоримые материалы для решения вопроса о времени поселения в Крыму караимов» [6, с. 30-31]. По словам Ф. А. Брауна, им удалось найти ранние надгробия, и он, как археолог, не мог не снять с них оттиски, которые были сданы в Азиатский музей Древностей³.

В 1912 г. археологические раскопки на плато Мангуп были начаты Императорской Археологической Комиссией. При содействии севастопольского мецената Арона Яковлевича Гидалевича в археологические планы экспедиции в 1912-1913 гг. были включены работы на караимском кладбище в ущелье Табана-дере. Они предусматривали снятие эстампажей, зарисовки и чертежи надгробных надписей некрополя. Работы были поручены Роману Христиановичу Леперу.

За два года исследований эпиграфической группой экспедиции была собрана коллекция из более чем 60-ти оттисков и 17 фотографий, которая А. Я. Гидалевичем была доставлена в комитет Еврейского Историко-Этнографического Общества в Санкт-Петербурге [15, с. 11]. Ее всесторонним изучением занялся председатель Общества Семен Маркович Дубнов, который «с восторгом» принял собрание артефактов. Коллекция была им опубликована в журнале «Еврейская старина». В статье «Историческая тайна Крыма. Памятники Мангуп-Кале» (за 1914 г.) С. М. Дубновым приведены 36 эпитафий — от 1505 до 1730 гг. и 13 не датированных. Автор счел возможным указать на ряд надписей, неверно зафиксированных А. С. Фирковичем, и предложил свою датировку некрополя Табана-дере [15, с. 13; 21, с. 476]. По его мнению, наиболее ранней эпитафией является надгробная надпись с именем Ефросинии 1387 г. (у А. С. Фирковича в каталоге под № 28, у Н. В. Кашовской — № 825). О ней он пишет как о реальном памятнике XIV в., который могли оставить евреи-переселенцы из Средиземноморского бассейна, у которых в ходу были еще греческие имена [15, с. 13; 21, с. 476]. Основные этапы истории Мангупского городища, известные к этому времени, попытался выделить и сам Р. Х. Лепер. Он отмечает «три стадии» развития городища: таврскую, готскую, к которой отнесены основные памятники археологии и архитектуры Мангупа, и еврейскую, позднейшую, хотя сам замечает, что, судя по эпитафиям, евреи жили здесь, по крайней мере, с X в. [10, с. 95].

Оба собрания мангупских надписей — в «Авне-Зиккарон» А. С. Фирковича и Дубнова-Гидалевича, включали всего 107 эпитафий, во многом спорных и неточных. Тот же Р. Х. Лепер, в различных своих работах неоднократно менял свою точку зрения в отношении ранней истории еврейской общины городища, от X до XV вв., отмечая незначительное число древних надгробных памятников [38, с. 254, 268; 39, с. 297].

³ Азиатский Музей (создан в 1818 г.) был расформирован в 1930 г. В состав вновь созданного Института Востоковедения он вошел со всеми своими фондами и специалистами, но, по воспоминаниям сотрудников, некоторые его фонды распределялись по другим музеям г. Ленинграда. Окончательно музей прекратил свое существование к 1932 г. По этой причине проследить движение всей эстампажной коллекции до сих пор не удается.

Таким образом, к началу XX в. караимский некрополь в Табана-дере на Мангупе имел три датировки для начального этапа своего функционирования — 871 г. (4631 г.) по наиболее ранней эпитафии в каталоге А. С. Фирковича, 1274 г. (5034 г.) по П. И. Кеппену и 1387 г. (5147 г.) по С. М. Дубнову. Эти работы вызвали бурный интерес среди представителей общин караимов и крымчаков; в периодической печати активно обсуждался вопрос об этнической принадлежности иудейских памятников Мангупа. В брошюре Т. С. Леви-Бобовича, вышедшей в 1913 г., была помещена подборка статей из газеты «Крымский вестник» за 1912 г., которая отражает эту полемику [40, с. 38].

Нерешенные историографические и источниковедческие проблемы вокруг некрополя в ущелье Табана-дере поставили перед исследователями XX в. конкретные поисковые задачи: возобновление комплексных полевых работ на памятнике и поиск предшествующих эстампажных собраний. Сразу хотим отметить, что последняя задача оказалась практически не выполнимой. Следы всех эстампажных оттисков и прорисовок, выполненных в свое время А. С. Фирковичем (40-е гг. XIX в.), Д. А. Хвольсоном (1879-1881 гг.), Ф. А. Брауном (1890 г.), Р. Х. Лёпером и А. Я. Гидалевичем (1912-1913 гг.), были утеряны еще в начале XX в.

Натурное обследование некрополя в балке Табана-дере выполнялось на протяжении нескольких полевых сезонов (1990-1995, 2005-2010 гг.). Эти работы включали паспортизацию, топографическую, графическую и фотографическую фиксацию уцелевших надгробий для составления общего каталога надписей. Такой многоплановый подход к эпиграфическим полевым исследованиям обеспечил научную достоверность и цельность корпуса-каталога эпитафий. Каталог задумывался как корпус надгробных текстов с прилагаемым к нему альбомом из прорисовок и фотографий, чертежей могильных плит и топографической картой с точными координатами каждого памятника. Обследование древнего некрополя было начато от края Мангупского плато вниз по склону ущелья Табана-дере. Первые надгробные плиты встречаются уже в 150 м ниже от мощного родника в балке, по обеим сторонам ущелья. За исходную точку отсчета принята южная граница могильника, ближе всего расположенная к основному топографическому реперу — геодезическому триангуляционному знаку, отмечающему наивысшую высоту плато Мангуп. Этим объясняется начало маркировки в направлении с юга на север. Непременным условием в методике сплошной фиксации было сохранение номеров-маркеров при фотографировании памятников и геодезической съемке, когда к отмеченным геодезическим координатам местоположения надгробия указывался и его номер. Фото-съемка памятников велась с трех позиций на черно-белую фотопленку; на цифровой фотоаппарат она стала осуществляться с 2006 г. Паспортное описание надгробий предполагало снятие обмеров и формирование альбома рабочих чертежей; детали декоративного орнамента прорисовывались. С текстов, почерк которых в палеографическом плане представлялся оригинальным и новым, снимались эстампажи.

При первом знакомстве, кажется, что надгробия на кладбище расположены хаотично, особенно с учетом сложной топографии местности. Это прежде отмечали все путешественники и исследователи памятника [27, с. 261; 54, с. 211-212; 44, с. 410; 39, с. 297; 11, с. 744-751; 53, с. 77-88; 28, с. 191-205; 29, с. 544-545; 30, с. 300-306; 24, с. 252, 256]. Ущелье Табана-дере образовано отрогами двух крайних западных мысов Мангупского плато — Чамну-бурун и Чуфут-Чеарган-бурун. Иудейские поселения, обитавшие в их верховьях, выбрали для своего кладбища крутые склоны мысов, вероятно, еще и потому, что по дну оврага протекал ручей, что приводило к его естественной заболоченности. Детальное топографическое обследование территории ущелья, занятого кладбищем, позволило понять принцип распределения

погребальных участков на нем, картографировать различные типологические и хронологические группы надгробий [11, с. 744-751; 24, с. 9-10].

Караимский некрополь в ущелье Табана-дере имеет протяженность около 800 м и площадь до трех гектаров; внутри он разбит на условные секторы, которые образованы рельефом ущелья [20, с. 557]. На искусственных террасах более крутого склона Чамну-бурун, резко спускающегося к тальвегу, в 30 м от крепостной стены, находились самые ранние погребения. Трудно объяснить, почему для «организации» кладбища были выбраны именно эти, наиболее крутые части склонов мыса. Первые террасы для погребений резались на самых верхних горизонтах (на карте-схеме — 460-е синклинали), которые от дна оврага создают перепад высот в 20-30 метров.

По мере заполнения террасы погребальные участки передвигались вдоль и вниз по склону. Хронология надгробных памятников иллюстрирует это «движение». Ко второй половине XVI в. кладбище спускается вниз ко дну оврага и заползает на более пологий противоположный склон мыса Чуфут-Чеарган-бурун. Весь XVII в. приходится на тальвег, который по мере подъема на плато заметно расширяется в естественных границах. Площадки-террасы для погребений еще режутся в конце XVII — начале XVIII вв. на обоих склонах ущелья на протяжении 500 м от внешней оборонительной стены крепости. Но уже ближе к плато и внутренней крепостной стене кладбище останавливается. Те надгробия, которые были найдены в верховьях оврага Табана-дере, в 150-200 м ниже от родника, скорее всего, были обнаружены не на своем первоначальном месте. За исключением именно этой группы памятников, все другие были или частично вкопаны, или установлены на жесткое основание и имели довольно строгую ориентацию по сторонам света: в направлении с северо-запада на юго-восток. На плане могильника отчетливо видно хаотичное расположение надгробий именно в верховьях оврага, многие из них оказались включенными в строительные комплексы. Всего на могильнике в Табана-дере зафиксировано 1008 надгробных памятников, из них 228 снабжены текстами⁴.

Топографическая съемка территории некрополя⁵ выявила разновременные и различного назначения кладки стен в самых широких участках тальвега балки Табана-дере. Скорее всего, они являются результатом поздней хозяйственной деятельности на городище. Геодезическими реперами отчетливо выявлены межевые перегородки, которые разделили дно оврага на ряд участков. Все межевые участки, как стало понятно после их расчистки, огорожены общей обводной стеной. На плане видно это ограниченное каменными кладками пространство природного рельефа и все случаи его искусственного изменения: террасирование, дренажные запруды, отводы и водоемы. Межевые стены, как и внутренние перегородки, представляли собой одно-, двух- и трехрядные каменные кладки, сложенные без раствора на невысоких земляных (или глиняных) валиках. Внешняя обводная стена сложена более основательно. В отдельных случаях для ее укрепления в основание были положены надгробные памятники; иногда надгробия устанавливали в ряд и они выполняли функцию самой стены. Назначение этих разгороженных участков еще не совсем ясно, но, вполне возможно, они использовались жителями ближайшего татарского селения Ходжа-Сала для своих сельскохозяйственных нужд. Весь огороженный участок в плане имеет форму неправильного многоугольника, площадью около 300 кв. м. О времени появления этих сооружений позволяют судить использованные при их возведении надгробия и

⁴ Последние два надгробия с эпитафиями были включены в каталог при участии В. Ельяшевича в 2013 г.

⁵ Выполнена топографами Н. Клыпиным и В. Ивановым в 1991-1992 гг.

их фрагменты. Среди них встречаются и те, на которых вырезаны эпитафии. На этих надгробиях указываются даты, относящиеся к 50-60-м гг. XVIII в. (в переводе на общепринятое исчисление по новой эре).

У подножия Мангупского плато располагалось живописное татарское селение Ходжа-Сала (П. И. Кеппен использовал другое название деревни — Бугаз-Сала). В «Полном географическом описании нашего Отечества...» 1910 г. приведены чуть расширенные данные [50, с. 708-710]. Здесь сказано, что «некогда эта долина почти вся принадлежала Махмету-Аге, казначею последнего крымского хана Шагин-Гирея, затем перешло к княгине Балатуковой, а теперь принадлежит Гассан-Аге-Абдурахманчикову», также как и лежащая «к востоку от дороги небольшая татарская д. Ходжи-Сала у подножья горы Мангуп» [50, с. 709]. Вероятно, во времена П. И. Кеппена она принадлежала Хазнадару и его сыну Адильбею Балатуковым [45, с. 179] и, с его слов, живущие внизу татары с 1831 г. держали у родника в наиболее широком месте ущелья Табана-дере сады, огороды, а некоторые участки засеивали даже табаком [27, с. 272]. В 50-х гг. XIX в. Балатуковы владели дачами и садами в Каралезской долине. Примечательно, что они участвовали в интендантском снабжении русской армии в годы Крымской войны, поставляя строительный лес, подводы для транспортировки фуража и сам фураж. Их основное имение находилось в деревне Ходжа-Сала. А. И. Маркевич в своих краеведческих заметках отмечал, что в период войны 1853-1855 гг. эти внутренние долины, особенно мангупские наводненные ущелья и, тем более, ранее освоенные земли были районами активной хозяйственной деятельности [45, с. 179]. Все хозяйства были учтены военным ведомством как потенциальные фуражиры русской армии. Если допустить наличие такого своеобразного огородничества у жителей деревни, то должны были сохраниться его следы. Разведение садов требовало надзора, для чего необходимо было постоянно совершать подъемы на плато, укреплять и поддерживать выючную тропу и т. д. Одичавшие сливовые, яблоневые и вишневые деревья, которые когда-то явно группировались, до сих пор растут между могильных плит на кладбище.

Однако труднодоступность таких садов и огородов, да еще и поддержание в порядке выючной тропы, отнимало время и силы. Этим обстоятельством можно объяснить возникновение для нужд самой деревни внизу у подножия Мангупского плато обустроенного большого водосборного бассейна. Жители окрестных селений передавали предание об использовании надгробных плит для его сооружения. О таком, возможно, котловане или большом бассейне Ассана-Ага Абдураманчикова в ущелье Табана-дере и о строительных остатках на дне оврага сообщали Ф. А. Браун и Р. Х. Лепер [6, с. 28; 38, с. 254; 39, с. 297], уточняя, что сам Абдураманчиков владел Мангупом. По этим фактам возведение бортов запруд, как и террасирование участков обоих склонов оврага, создание дренажных каналов на дне тальвега балки можно отнести ко второй половине XIX в. Вскользь упомянул о бассейне, который будто бы «огромных размеров», и стенки его бортов выложены из надгробных плит с иудейского кладбища, и Р. Х. Лепер.

На северной окраине современных границ деревни Ходжа-Сала, которые проходят по склону горного массива Чердаклы-баир, находится котлован значительных размеров. Его археологическая зачистка дала возможность определить контуры и размеры сооружения, его строительные приемы и обнаружила, действительно, вторичное использование четырех архитектурных блоков. По мнению руководителя Мангупской археологической экспедиции А. Г. Герцена, курировавшего эти работы в 2006 г., блоки относятся к ранневизантийскому периоду. Таким образом, стало ясно, что происхождение котлована никак не связано с иудейским кладбищем в балке Табана-дере.

Архитектуру и орнамент мангупских надгробий с кладбища в Табана-дере отмечали многие путешественники и исследователи. В нашем случае, их типология рассматривается в историческом контексте, с целью получения дополнительной информации о хронологии могильника и надгробия как такового.

Архитектура и декор надмогильных памятников караимского некрополя Мангупского городища разнообразны и представляют собой сложную картину заимствований иных культурных и конфессиональных традиций. Для Крыма, который на всем протяжении своей истории находился на перекрестке этносов и культур, это лишь отражение исторических реалий. Мангуп, в этом смысле, не является исключением.

Своеобразие иудейскому могильнику в Табана-дере придает архитектура его надгробий. Собранные за весь многолетний период полевых исследований образцы форм надгробных памятников систематизированы в виде отдельной типологической таблицы (Табл. 1). В ней представлены вариативность форм надгробных памятников, максимально точно переданы их габариты и архитектурные элементы с детализацией орнаментальных особенностей. Таблица показывает последовательность развития архитектурных типов и уже была предложена научному сообществу для апробации [24, с. 317-324].

Традиции ремесленных школ каменотесов и резчиков отражали определенную сторону культуры своих народов и показывали степень взаимопроникновений и контактов. По первым встречающимся сведениям о кладбище в Табана-дере и его памятниках можно составить не совсем точное представление, что самой распространенной, если не единственной, формой надмогильных памятников является та, которая получила у путешественников и краеведов характерное название «рогатая». Внешне такое надгробие представляет собой вытесанную из цельного каменного блока форму (иногда составную), которая с торцов завершается двумя вытянутыми в вертикаль столбообразными навершиями. В горизонтальной проекции подобная архитектурная конструкция выглядит, действительно, рогатой. Никто из историографов не объяснял, вследствие чего сложилось представление о двурогой и однорогой формах надгробий, как типично «жидовских» [48, с. 64; 34, с. 266-268] или караимских [44, с. 405-406]. В начале XX в. этот тип надгробия вообще мифологизируется. В краеведческой литературе появляются новые определения, такие как караимские «колыбельки», «седла», «луки», то есть эпитеты, которыми авторы дополняли описания «рогатых» надгробий [32, с. 419-426; 55, с. 25; 31, с. 8]. Постепенно об этой форме надгробий утвердилось представление, как о доминирующей и отличительной для караимских кладбищ. Однако, если суммировать известные нам сведения, то можно прийти к иным выводам.

Если П. С. Паллас, И. С. Андриевский и П. И. Кеппен считали двурогие или однорогие надгробия характерными для караимов [48, с. 63-65; 1, с. 538-552; 27, с. 31, 269], то уже В. Х. Кондараки писал по этому поводу: «... между ними есть и такие, которые по форме и некоторым изображениям принадлежат и другому народу (имея ввиду, что и татары ставили над могилами двурогие монументы и ... изображали на них сабли), татары раньше знакомства с турками имели обыкновение ставить другого рода надгробия» [34, с. 268]. Этим замечанием он не только «лишил» рогатые надгробия караимской самобытности, но и дал свое объяснение данной форме надмогильных памятников, которые, на его взгляд, не типичны для европейских евреев, но часто встречаемы на Востоке. В полемике между собой Д. А. Хвольсон и А. Я. Гаркави пытались связать типологию надгробий с датировками их эпитафий и выяснить, в конечном итоге, время появления каждого типа памятников. По А. Я. Гаркави, «древние надгробные камни ничем не отличаются от тех, которые А. С. Фирковичем отнесены к XVI-XVII вв., ни

характером письма, ни внешним видом, ни сохранностью камня» [67, с. 99]. Наиболее древние по возрасту «камни» Д. А. Хвольсон видел в «гробообразных» памятниках, как он называл призматические по форме надгробия, «крышка которых образует то острый, то более или менее тупой угол». Эти надгробия отличались, главным образом, «своею значительной длиною — до 3,75 аршина (2,66 м)»; в немногих случаях их крышка могла немного закругляться. Более позднюю датировку, по Д. А. Хвольсону, имели большие плоские памятники — «ящики» [59, с. 24-26]. Отмечены надгробия, состоящие из двух поставленных перпендикулярно друг к другу плит и выпиленные пирамидой с одной, двумя или тремя ступенями [58, с. 32].

Плиты-параллелепипеды представляют самый массовый и, вероятно, наиболее ранний тип надгробий на нашем кладбище. Эта форма надгробий — самый простой в техническом исполнении и поэтому наиболее распространенный вид надмогильных памятников. Поставленный на узкую грань, дополнительно оформленный карнизом, как стела, он известен с античных времен в средиземноморско-черноморском регионе. Такая форма надгробий была традиционной в античных полисах Боспора — в Фанагории, Горгипии, Гермонассе и др. [7, с. 51-69; 12, с. 59-73; 35, с. 165, 417, 425, 428, 443, 718; 41, с. 7-55; 42, с. 302-303; 43, табл. III-VI; 64, с. 20-21]. На Азиатском Боспоре подобные могильные памятники сохранились в позднеантичное и раннесредневековое время и были допустимыми для всего разнообразного поликонфессионального его населения. Боспорские надгробия-стелы отличались небольшими размерами (обычно 80-90 см высота, 40-50 см ширина и 10-25 см толщина) и архитектурными деталями. Античная стела в греко-римском исполнении оформлена многофигурными рельефными сюжетами, которые дополняют карнизы, акротерии, растительные и цветочные орнаменты — листья аканта, розетки, пальметты и т. д. [43, табл. III-VI; 12, с. 59-73; 16, с. 332-337; 17, с. 55-60]. Иудейские стелы в архитектурном отношении копировали греческие образцы, но орнаментированы уже иными символическими рельефами. На них вырезаны шофар (трубный рог), лулав (пальмовая ветвь), семисвечник (менора — храмовый светильник; иногда девятисвечник), встречается и резное изображение этрога. Чаще всего эти рисунки соединялись мастерами в композицию [43, табл. I-VII; 59, с. 135-136; 46, с. 57-89; 61, с. 107; 19, с. 14-15]. На оборотной стороне некоторых иудейских стел наносились тамги — родовые знаки местного населения Боспора [14, табл. XX, XXII-XXIII, L-LI; 51, с. 9-23; 65, с. 3-187; 19, с. 14-15; 23, с. 188-222]. Данный тип иудейского надгробного памятника получил широкое распространение, прежде всего, в общинах Восточного Кавказа. В целом же надгробия в виде стелы-параллелепипеда широко используются в эпоху средневековья на Кавказе, в Турции и повсеместно в Европе — в Италии, Венгрии, Чехии, Польше.

Античные стелы с иудейскими символами, бесспорно, свидетельствуют о присутствии еврейского населения в античное и раннесредневековое время. Как архитектурный тип, они фиксируются в Крыму в XV в. и в последующие столетия, чередуясь с иными формами надгробий. Если плиту-параллелепипед воспринимать как местный вариант надгробной стелы, то его появление можно регистрировать на могильнике в балке Табан-дере уже с 60-х гг. XV в. (№№ 823, 863, 851⁶). Такие надгробия, в большинстве случаев, не ставились над погребением, а укладывались поверх него и перекрывали могилу в длину. Для крутых склонов оврага Табана-дере, подобная установка надмогильных плит была наиболее безопасна и потому являлась предпочтительной. Длина таких надгробий не всегда зависела от погребальной ямы. В период, когда популярность этого типа надгробных памятников достигает

пика (70-80-е гг. XVI в.), длина сокращается до 1,5 м. В XVII в. встречаются лишь единичные экземпляры и говорить об их размерах вряд ли возможно.

К этому же времени (XVII в.) относятся вертикальные памятники-стелы, но где-то в начале XVIII в. они исчезают как самостоятельный тип (один из самых поздних примеров датируется 1730 г.). Мангупские стелы представлены в двух вариантах: первый — одиночные стелы (№№ 915, 254, 255, 587, 228), второй — две плиты, поставленные перпендикулярно друг другу (№№ 306, 313, 314, 925). Известны три случая, когда стела украшена экраном. Форма экрана-картуша, даже с почти полным отсутствием орнамента, сближает его с памятниками восточно-черноморской традиции. Тексты на памятниках-стелах могли быть запечатаны в экраны и рамки, которые резчиками выполнялись в виде орнаментированных полос, ограничивающих надписи [63, с. 42; 25, с. 97-116]. Часто экраны-картуши украшались орнаментом. Он сводился к двум разновидностям розетки — восьмилепестковой либо из солярно-расположенных лепестков, заключенных дополнительно в круг. Данный вид орнамента, украшающий надгробия, по мнению исследователей, своей природой связан с восточной малоазийской декоративной символикой [5, с. 271-286; 13, с. 219-221]. Трилистник («тюльпанчик»), «виноградная лоза», цветочный растительный орнамент, расположенный пленкой, и солярный орнамент — характерный орнаментальный декор для региона.

При всей динамичности архитектурных форм надгробий примечательна устойчивость орнамента, прослеживающегося в культовой архитектуре разных конфессиональных традиций вплоть до XIX в. Можно говорить, что иноземный и инородный стиль как языковой, так и декоративный, нашел возможность удовлетворить конкретные духовные потребности населения. Образцы сочетания иудейского многосвечника и тамги, греческого и еврейского языка в стиле эпитафийного текста примечательны для античного времени. Для эпохи средневековья характерным стал симбиоз арабского языка и древнетюркских рун и тамг на татарских и булгарских памятниках [63, с. 42]. На иудейских надгробных памятниках превалирует малоазийский орнаментально-декоративный сюжет и лапидарная краткость еврейского языка. Это удивительное сочетание органично существует и на могильнике в Табана-дере, о чем свидетельствуют многолетние эпиграфические исследования, фиксирующие эклектичный декоративный узор и стилевую традицию эпитафий.

Широко и разнообразно на караимском некрополе Мангупа представлены двурогие и однорогие надгробия. Одни увенчаны небольшой шапочкой, другие — навершиями, изображающими розу или шар. Эти памятники отличают утонченные профили и резной орнамент из «плетенки», которую образуют переплетения из гирлянды листьев аканта, восьмерок, геометрических фигур. Архитектурные детали позволяют отнести их к малоазийским образцам, а по хронологии — к поздневизантийско-раннеосманскому времени в истории региона. Данные типы надгробий, по содержанию своих эпитафий, датируются серединой XV в. По мере приближения к XVII в. двурогие и однорогие памятники подвержены некоторым вариациям; они становятся массивными и более широкими, но с меньшей высотой «рогов» (табл. 1, модель «Г» и «С»). Поздняя форма этих памятников имеет близкие аналогии с надгробиями караимского кладбища вблизи Чуфут-Кале, где подобные пропорции характерны для большинства надгробий, имеющих те же даты.

Некоторую орнаментальную обособленность однорогих и двурогих надгробий дополняют вырезанные на некоторых из них по гребню, сразу за первым фасадным рожком, стрелы с оперением (№№ 286, 973), рельефы близкие по рисунку музыкальным инструментам (№№ 396, 393, 660). Такие фигурные изображения являются редкими на данном некрополе (всего 10), а на соседнем Чуфут-Кале их вообще

⁶ Здесь и далее по тексту — авторская нумерация надгробий.

не наблюдается. Поэтому интерпретировать или, тем более, комментировать такое художественное оформление надгробий можно лишь с большой осторожностью. На Восточном (Каспийском) Кавказе, наоборот, распространенным обычаем было резное изображение на надгробиях ремесленных и музыкальных инструментов, ремесленных изделий. Такие факты довольно широко известны на территории Кавказской Албании, Северного Азербайджана и Южного Дагестана, причем как на мусульманских надгробиях, так и на иудейских [25, с. 97-116].

Другим распространенным и ранним типом надгробных памятников некрополя в Табана-дере является «призма» — надгробие, имеющее в поперечном сечении форму треугольной призмы (табл. 1, модель «С»; №№ 772, 673 и др.). Многочисленные варианты данного типа надгробий морфологически развились из одной основы (табл. 1, модель «С»). Наиболее «ранний» вариант имеет хронологически независимую привязку, которую ему дают не только датированные эпитафии, но и художественно-исторические аналогии в иных, соседствующих с Мангупом, крепостях и городищах. Призматические плиты известны на могильниках Эски-Кермена и Качи-Кальона. Иногда у «призмы» вытянут фасадный торец, образуя подобие роstralного «конька», или, в иных случаях, по скатам крышки прорезаны во всю длину рельефные грани (№№ 826, 820, 835, 782). Такие надгробия можно встретить на христианских могильниках Эски-Кермена [49, с. 48, 57] и Мангупа [3, с. 263-265], функционировавших до турецкого завоевания Крыма в конце XV в., что говорит о местном происхождении этого типа могильных плит.

Еще одно надгробие, помещенное в наш эпиграфический корпус под № 84, заслуживает отдельного описания. Оно обнаружено, как и все памятники первой сотни, не на своем первоначальном месте, а примерно в 150 м ниже родника в балке Табана-дере. По архитектурным особенностям принадлежит типу G — двурогие надгробия, вырезанные из цельного каменного блока (табл. 1). На его тыльной стороне прорезана неглубокий рельефом (не более 1,5 мм глубиной) рамка, в которой прочерчены рисунки геральдического характера (рис. 1).

Крайние изображения представляют собой геральдические мотивы с развернутыми штандартами на одном и разлинованном поле на другом рисунке. Такие композиции известны среди гербовой символики Северной Италии. Эти изображения, вероятно, представляют собой подражание гербам. Два других (центральных) изображения состоят из христорогмы и двойной квадратной рамки, в которой просматриваются литеры. В проступающих на прорисовке буквах можно увидеть, с определенной долей вероятности, греческие буквы «дельта» и «ро», третья также может быть принята за прописную форму «дельты». Квадратная рамка, обрамляющая гербовое поле, в геральдическом оформлении известна с XI в. в пределах границ Византии. Она встречается на стягах и штандартах, на каменных и шиферных плитах. Оба последних изображения на нашей плите явно восходят к византийским образцам.

Христорогму, вырезанную на мангупской плите, можно интерпретировать двояко. С одной стороны, она почти копияно повторяет комбинацию, известную под именем монограммы императора Константина I (306-337), составлена двумя первыми буквами слова «Христос», то есть совмещенными буквами «хи» и «ро». С другой стороны, отсутствие закругления в букве «ро» (ее хорошо передает прорис) позволяет эту монограмму отнести к крестам-монограммам, известным под названием «посох пастыря» или «монограмма Спасителя» [36, с. 10]. Подобная монограмма встречается и на монетах императора Константина I, где она получила широкое распространение. Пастушеский посох, верхняя часть которого

загнута вниз, стал образцом начальной формы епископского жезла. В дальнейшем, архиереи Византии награждались «посохом пастыря» только из рук императоров. У левого и правого перекрестия изображены литеры — перевернутая «альфа» и «омега». Христорогма, как христианский символ, активно возвращается в иконописное искусство Византии при императорах династии Палеологов.

Эпиграфическое исследование надгробных памятников некрополя Табана-дере заключалось в снятии с оригиналов прорисей и бумажных оттисков. Графическая фиксация эпитафий была необходима в различных целях. Прежде всего, для определения степени достоверности датировок, тем более, если письмо отдельных текстов представляло трудности в прочтении, а также для всестороннего изучения могильника.

Все тексты надгробий вырезаны внутренним рельефом, глубина которого варьировалась от 0,2 до 1,8 мм. Эпиграфическая коллекция с некрополя в Табана-дере позволила выявить на протяжении всех 300 лет существования кладбища (с середины XV по 70-е гг. XVIII вв.) различные почерки, которыми обладали резчики. Отдельные их образцы пересекались друг с другом и действовали синхронно, но во второй половине XVIII в. наблюдался всего один вариант письма. Видимо, в это время в общине оставался только один человек, который мог исполнять функции резчика.

В корпусе эпитафий некрополя Табана-дере Мангупского городища четко определяются две группы письма — рукописная и печатная формы квадратного еврейского шрифта, который, как отметил М. А. Членов, к VIII в. «уже сформировался и незначительные изменения касаются не структуры, а лишь формы написания отдельных букв» [59]. Однако в распоряжении исследователей наберется едва ли сотня надписей этого времени на еврейском языке, выполненных на камне, включая земли Иудеи, Средиземноморья и Причерноморья [68, № 404; 43, табл. III-VI; 35, с. 417, 425, 428, 443, 718; 19, с. 13-23; 17, с. 55-60; 18, с. 55-79; 23, с. 188-222; 51, с. 9-23; 60, с. 30]. Эпиграфические наблюдения позволяют говорить, что сохраняемый лигатурный графический прием в средние века является своеобразным графическим атавизмом, то есть возвратом к более древнему написанию — соединению письменных знаков в одном или нескольких графемах. В эпиграфике Мангупа ли-

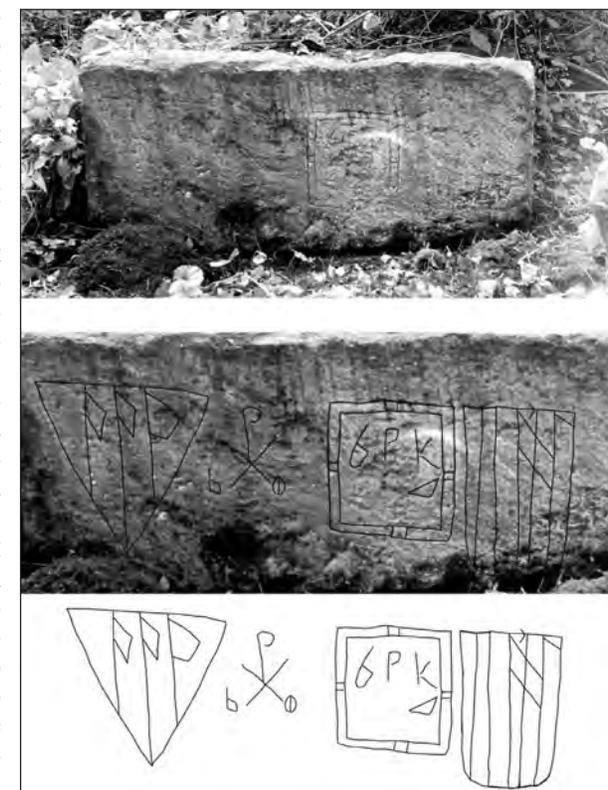

Рис. 1. Надгробие № 84 и прорисовка надписи по фотографии. Фото Н. В. Кашовской

гатура чаще всего употреблялась при передаче сокращенных форм имен и употребляемой формуле «малого счисления». Поэтому здесь наиболее распространенные варианты лигатурного соединения в один знак двух букв (א алеф с ל ламедом) или трех (ל ламед, ע пей, ק коф). Лигатура на камне Мангупа сохраняется при переходе на печатную форму квадратного письма, который стал осуществляться с конца XVI — начала XVII вв.

К датировке эпиграфического корпуса могильника Табана-дере почерки и шрифты надписей имеют самое непосредственное отношение, так как они фиксируют определенные навыки и традицию. На всем протяжении функционирования некрополя можно отметить две группы шрифтов квадратного письма: рукописный (курсив) и печатный. Первая группа более разнообразна и вариабельна почерками и техникой резьбы. Можно выделить 15 вариантов рукописных почерков, которые функционировали вплоть до XVIII в. Собранные образцы почерков выделены в сравнительную таблицу, отражающую синхронность и параллельность хождения. Принцип построения таблицы — аналогии в начертании (резьбе) при резко вариантном характере почерка (табл. 2). В первые четыре группы (в таблице группы вариантов обозначены римскими цифрами) объединены почерки надписей, которыми владели со второй половины XV до конца XVI вв. Для них характерны одинаковые приемы и формы букв. Сгруппированные таким образом почерки мастеров-резчиков дают возможность наиболее полно представить как эволюцию почерков, так и отдельно существовавшие различные конкретные формы графем. Это наиболее заметно в традиции начертания букв א алеф, ש шин, מ мем, ל ламед. При различных технических приемах резьбы, глубине рисок (она колебалась от 0,2 до 0,5 мм) и размерах графем (1,5 см на 3,0 см) их общий характер начертания очевиден.

Рис. 2. Известняковый блок с надписью на иврите из кладки стены южной галереи Мангупской базилики и прорисовка надписи по фотографии.
Фото Н. В. Кашовской

К первой группе почерков шрифтов можно отнести и краткую аббревиатурную надпись на строительном блоке в кладке южной стены Мангупской трехнефной базилики: ק'ר'ק'ה', которую можно расшифровать как «святая община Константинополя» (рис. 2).

В целом, исходя из имеющихся эпиграфических данных, можно говорить о функционировании некрополя в ущелье Табана-дере в течение 40-х гг. XV — 70-х гг. XVIII вв. Кроме того, полученные результаты исследований позволяют решить ряд многолетних историографических и источниковедческих проблем, связанных с этим памятником, особенно в отношении ранней истории еврейской общины на Мангупе.

Во-первых, однотипность почерков эпитафии с именем Ефросинии

Рис. 3. Надгробие № 825.
Фото Н. В. Кашовской

Рис. 4. Надгробие № 828.
Фото Н. В. Кашовской

синия (№ 1 по С. М. Дубнову, № 825 по Н. В. Кашовской) с надписью на соседнем надгробии, принадлежащем ее сестре Эстер (№ 828 по Н. В. Кашовской) позволила решить вопрос о датировке каталога Дубнова-Гидалевица (табл. 2; рис. 3-4). Веским и убедительным доказательством нашей датировки надгробия Ефросинии (1456 г.) [20, с. 558-560] служит фотография А. Я. Гидалевица 1912 г. из полевого отчета Р. Х. Лепера. Снимок, выполненный под углом, четко передает весь текст эпитафии и, что особенно важно, формулу даты (рис. 5). К сожалению, в распоряжении С. М. Дубнова была фотография гораздо худшего качества, о чем он упоминал в своей статье, что и могло ввести исследователя в заблуждение относительно датировки надгробия.

Рис. 5. Надгробие Ефросинии (№ 825).
Фото из Отчета Р. Х. Лепера 1912 г.

Во-вторых, стиль и язык эпитафий снимает вопрос разночтений датировок по хроностихам. Один из самых ярких примеров — надгробия Ицхака бен Илиягу (№ 2 по «Авне Зиккарон» А. С. Фирковича, № 673 по Н. В. Ка-

Рис. 6. Надгробие № 673.
Фото Н. В. Кашовской

Рис. 7. Надгробие № 674.
Фото Н. В. Кашовской

170 лет. Когда разночтения столь значительны, дополнительными аргументами для точности датировки надписи выступают стиль и почерк вырезанного посвятельного стиха. На этих двух надгробиях (Моше и Авраама) почерки надписей не только синхронны, но и оставлены рукой одного и того же мастера, что по-

Рис. 8. Надгробие № 823.
Фото Н. В. Кашовской

зволяет говорить о принадлежности могил к одному семейному гнезду. Еще одним аргументом в пользу нашей датировки является бумажный оттиск с надгробия Моше из коллекции эстампажей, недавно обнаруженной в рукописном фонде Института восточных рукописей РАН [26, с. 109-115]. Оттиски были сняты с семи надгробий из Табана-дере А. Я. Гидалевичем в ходе полевых работ 1912-1913 гг. В это время, безус-

ловно, степень сохранности памятника была намного лучше, и бумажный оттиск смог передать не только глубину насечек зубила, стеки, но и все естественные каверны камня. Оттиск позволяет безошибочно прочитать и датировать текст эпитафии. Оба интересующих нас надгробия находятся среди памятников, относящихся к 5230-50-м гг. по эре Творения (70-90-е гг. XV в).

В-третьих, эпитафия Авраама из семейства Моше (№ 849 по Н. В. Кашовской), недавно пополнившая каталог [22, с. 63-71], разрешила вопрос датировки надгробия самого Моше (рис. 9-10). О времени надгробия Моше бен Ицхака (№ 848 по Н. В. Кашовской) не было единого мнения прежде. Дату 1274 г. (5034 г.) принял П. И. Кеппен в своем «Крымском сборнике» [27, с. 29] и А. С. Фиркович в «Авне-Зиккарон» [54, с. 213]. По результатам наших обследований, памятник может быть отнесен к 1444 г. (5204 г.) [21, с. 475-478; 22, с. 63-71]. Как видно, разница в датировках составляет

Проведенные исследования некрополя в балке Табана-дере позволили, наконец, решить главную научную проблему — установление времени появления иудейской общины на Мангупе. Ее первоначальное ядро составили 4-5 семейств из еще византийского христианского Константинополя, которые перебрались в столицу княжества Феодоро при его последних правителях. Видимо, это были евреи-романиты, среди которых находились уже упомянутые сестры Ефросиния и Эстер, и Моше с Авраамом, сыновья Ицхака. Это переселение происходило, очевидно, в 30-40-е гг. XV в.

Иудейская община Мангупа, история которой началась в середине XV в., жила, отнюдь, не замкнуто. Она имела активные контакты в пределах Османской империи и Крымского ханства, что зафиксировано в эпитафиях надгробий кладбища. Тесные связи проявились и в многообразии архитектурных форм и типов надгробных памятников. Традиции местной камнерезной школы живо откликнулись на привнесенные орнаментальные и декоративные образцы и, в сочетании с графикой еврейского языка, придали особый художественный колорит иудейскому некрополю Мангупского городища.

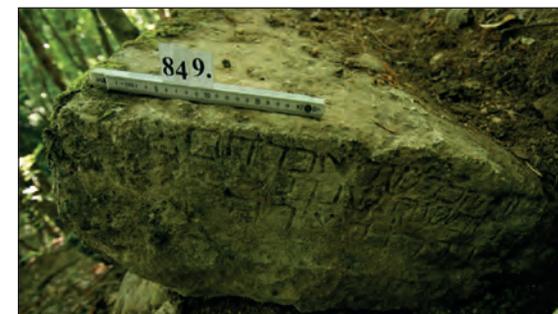

Рис. 9. Надгробие № 849. Фото Н. В. Кашовской

Рис. 10. Надгробие № 848.
Фото Н. В. Кашовской

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андриевский И. С. Развалины Мангупа // Одесский альманах на 1840 г. Одесса, 1839. 652 с.
2. Д'Асколи Эмиддио Дортелли. Описание Чёрного моря и Таврии, составил доминиканец префект Каффы, Таврии и проч. 1634 // ЗООИД. 1902. Т. XXIV. С. 89-180.
3. Бармина Н. И. Мангупская базилика: от возникновения до разрушения // Россия — Крым — Балканы: диалог культур. Материалы Международной научной конференции. Екатеринбург, 2004. С. 263-265.
4. Боплан Гийом де Левассер. Описание Украины. М.: Древлехранилище, 2004. 576 с.
5. Бороздин И. Н. Солхат // Новый Восток. М., 1926. № 6. С. 45-52.
6. Браун Ф. А. Отчет об археологических раскопках в 1890 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 40/1890.
7. Вайсенберг С. Исторические Гнезда Крыма и Кавказа // Еврейская старина. СПб., 1913. Т. 6. С. 51-69.

8. Васютинская Д. А. Когда авторское право было другим: Авраам Фиркович и Rhabilitation отца русской габраистики Даниила Хвольсона // Материалы Десятой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. М., 2003. Ч. 1. С. 367-377.
9. Вихнович В. В. Караим Авраам Фиркович. СПб.: Академия исследования культуры, 2012. 368 с.
10. Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 88-271.
11. Герцен А. Г. Археологические исследования караимских памятников в Крыму // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 744-751.
12. Даньшин Д. И. Фанагорийская община иудеев // ВДИ. 1993. № 1. С. 59-73.
13. Даркевич В. П. Связи Восточной Европы со странами Азии и Византии в IX-XIII вв. М.: Наука, 1976.
14. Драчук В. С. Системы знаков Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1975. 176 с.
15. Дубнов С. М. Историческая тайна Крыма. I. Периоды крымской истории // Еврейская старина. Петроград, 1914. Т. V. С. 1-21.
16. Кашаев С. В., Кашовская Н. В. Две надгробные плиты из станицы Вышестеблиевской близ Тамани // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб., 1999. С. 332-337.
17. Кашаев С. В., Кашовская Н. В. Камни и надписи Боспора // Восточная коллекция. М.: Российская государственная библиотека, 2006. С. 55-60.
18. Кашаев С. В., Кашовская Н. В. Иудейская диаспора на Боспоре по данным археологии // ARCHEOLOGIA ABRHAMICA. Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. М.: Индрик, 2009. С. 55-79.
19. Кашовская Н. В., Кашаев С. В. Иудеи на Боспоре (археологический контекст) // Материалы Тринадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. М., 2004. С. 14-23.
20. Кашовская Н. В. Заметки по иудейской эпиграфике Мангупа // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 556-561.
21. Кашовская Н. В. О надгробной плите из «Крымского сборника» П. И. Кеппена // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 475-482.
22. Кашовская Н. В. Об одной надгробной плите из «Крымского сборника» П. И. Кеппена. Историографические заметки // Проблемы еврейской истории. М., 2008. С. 63-71.
23. Кашовская Н. В. Иудейский прозелитизм на Боспоре: иранцы в иудейской общине // Українська орієнталістика. Київ, 2011. С. 188-222.
24. Кашовская Н. В. Корпус эпитафий иудейского кладбища Мангуп-Кале как исторический источник. Завершение систематизации эпитафий и обобщение результатов исследования // Труды Государственного музея истории религии. СПб., 2013. Вып. 13. С. 250-276, 317-334.
25. Кашовская Н. В. Иудеи в историческом пространстве Дагестана (из опыта каталогизации еврейских надгробных памятников Южного Дагестана) // Кавказ: перекресток культур. СПб., 2015. С. 97-116.
26. Кашовская Н. В. Эстампажи средневековых еврейских надгробных текстов некрополя Мангуп (Крым) А. Я. Гидалевича из фондов ИВР РАН // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Симферополь, 2016. Т. 2(68). № 1. С. 100-116.
27. Кеппен П. И. Крымский сборник: о древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПб.: Императорская Академия наук, 1837. 409 с.
28. Кизилов М. Б. Караимские некрополи Чуфут-Кале и Мангупа по описаниям путешественников и ученых XVIII-XIX вв. // Материалы Восьмой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. М., 2001. Ч. 1. С. 191-205.
29. Кизилов М. Б. Крымские «пещерные города» по описанию Е. Скимунта (Поята) // МАИЭТ. 2002. Вып. IX. С. 543-548.
30. Кизилов М. Б. Крымская Готия. Симферополь, 2015. 351 с.
31. Кокизов Ю. Д. Сорок четыре надгробных памятника. СПб.: Тип. И. Лурье и К°, 1910. 48 с.
32. Кондараки В. Х. Мангуп-Кале // ЗООИД. 1872. Т. VIII. С. 419-426.
33. Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма. СПб.: Тип. В. Виллинг, 1875. Ч. 15. 235 с.
34. Кондараки В. Х. В память столетия Крыма. М.: Тип. В. В. Чичерина, 1883. Т. 2. 277 с.
35. Корпус Боспорских надписей. М.-Л.: Наука, 1965. 951 с.
36. Кузнецов В. П. История развития формы креста. Краткий курс православной ставрографии // Жизнь вечная. М., 1997. 40 с.
37. Куник А. Тохтамыш и Фиркович // Приложение к XXVII тому ЗАН. СПб., 1876. № 3. С. 4-17.
38. Лепер Р. Х. Археологические исследования на Мангупе в 1912 г. // ИАК. 1913. № 47. С. 146-254.
39. Лепер Р. Х. Сообщение Лепера Р. Х. о раскопках на Мангупе 1913 г. // ИТУАК. 1914. Вып. 51. С. 297-300.
40. Леви-Бобович Т. С. Очерк возникновения караимизма. Севастополь, 1913. 98 с.
41. Левинская И. А. Чтящие Бога Высочайшего // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 129-145.
42. Левинская И. А. Деяния апостолов на фоне еврейской диаспоры. СПб.: Логос, 2000. 351 с.
43. Люценко А. Е. Древние еврейские надгробные памятники, открытые в насыпях фанагорийского городища // Труды III Международного съезда ориенталистов. СПб., 1876. Т. 1.
44. Марков Е. Л. Очерки Крыма. СПб.: Таврия, 1995. 543 с.
45. Маркевич А. И. Таврическая губерния во время Крымской войны. По архивным материалам. Симферополь: Бизнес-Информ, 1994. 179 с.
46. Марти Ю. Ю. Новые эпиграфические памятники Боспора // ИГАИМК. М.-Л., 1934. С. 57-89.
47. Михневич И. О Еврейских манускриптах, хранящихся в музее Одесского Общества Истории и Древностей. Одесса, 1848. Т. 2. С. 47-77.
48. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-1794 годах. М.: Наука, 1999. 249 с.
49. Паршина Е. А. Эски-Керменская базилика // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев: Наукова думка, 1988. С. 36-59.
50. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная карта. Новороссия и Крым / под ред. В. П. Семенова-Тянь-Шанского. СПб., 1910. Т. XIV. 982 с.
51. Соломоник Э. И. Древнейшие еврейские поселения и общины в Крыму // Евреи Крыма. Очерки истории. Симферополь-Иерусалим: Мосты, 1997. С. 9-23.
52. Старкова К. Б. Рукописи коллекции А. С. Фирковича в ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина // Письменные памятники Востока. Ежегодник. 1970 г. М., 1974. С. 165-192.
53. Федорчук А. М. Находки и загадки Авраама Фирковича // Восточная коллекция. М.: Российская государственная библиотека, 2006. С. 77-88.
54. Фиркович А. С. Сефер Авне-Зиккарон. Вильно, 1872. (на иврите) שנתחלה "בלפ"ק. ספר אבני זכרון. Сборник надгробных еврейских надписей на Крымском полуострове, собранных ученым караимом Авраамом Фирковичем. Ч. I. Надгробные надписи. Ч. II. Описание путешествий автора. Вильна (Вильнюс), 1872.
55. Фиркович М. Я. Старинный караимский городок Кале. Вильна: Тип. И. Ционсона, 1907. 48 с.
56. Хвольсон Д. А. Восемнадцать еврейских надписей. СПб.: Тип. М. Эттингера, 1866. 188 с.
57. Хвольсон Д. А. Еврейские древности в Крыму // Труды Первого Археологического съезда в Москве 1869 г. М., 1871. Т. II. С. 853-860.
58. Хвольсон Д. А. Сборник еврейских надгробных надписей, содержащие надгробные надписи из Крыма и другие надгробные надписи из иных мест, в древнем еврейском квадратном шрифте, также образцы шрифтов из рукописей от IX-XV столетия. СПб.: Императорская Академия наук, 1884. 528 с.

59. Членов М. А. Введение в грамматику [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hebrew.su/heb/organizations/universities/Maimonides/Programs/grammatologia>.
60. Шапира Д. Евреи в Северном Причерноморье от древности до раннего средневековья. Мангуп // История еврейского народа в России. М.-Иерусалим, 2010. Т. I.
61. Шкорпил В. В. Надгробные надписи, приобретенные Мелик-Чесменским музеем в 1899 году // ЗООИД. 1900. Т. XXII. С. 58-65, 101-108.
62. Штрак Г. М., Гаркави А. Я. О коллекции восточных рукописей А. С. Фирковича, находящихся в Чуфут-Кале // ЖМНП. 1875. № 3. С. 5-49.
63. Юсупов Г. В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.-Л., 1960. 322 с.
64. Яйленко В. П. Материалы по Боспорской эпиграфике // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и Античного Северного Причерноморья. М., 1987. С. 4-199.
65. Яценко С. А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Восточная литература, 2001. С. 3-187.
66. Dunlop D. M. The History of the Jewish Khazars. New-York, 1954. 294 p.
67. Harkavi A. Altjüdische Denkmäler aus der Krim, mitgetheilt von Abraham Firkowitsch (1839-1872). S-Peterburg, 1876. 254 s.
68. Latyshev V. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Petropoli, 1916. 594 s.

REFERENCES

1. Andrievskij I. S. Razvaliny Mangupa. *Odesskij al'manah na 1840 g.*, Odessa, 1839, 652 p.
2. D'Askoli Emiddio Dortelli. Opisanie Cevornogo morya i Tatarii, sostavil dominikanec prefekt Kaffy, Tatarii i proch. 1634. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, 1902, T. XXIV, pp. 89-180.
3. Barmina N. I. Mangupskaya bazilika: ot vzniknoveniya do razrusheniya. *Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "Rossiya — Krym — Balkany: dialog kul'tur"*, Ekaterinburg, 2004, pp. 263-265.
4. Boplan Gijom de Levasser. *Opisanie Ukrainy*. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2004, 576 p.
5. Borozdin I. N. Solhat. *Novyj Vostok*, Moscow, 1926, No. 6, pp. 45-52.
6. Braun F. A. Otchet ob arheologicheskikh raskopkakh v 1890 g. *Arhiv Instituta istorii material'noi kul'tury Rossijskoj akademii nauk*. F. 1. D. 40/1890.
7. Vajsenberg S. Istoricheskie Gnezda Kryma i Kavkaza. *Evrejskaya starina*, S-Petersburg, 1913, T. 6, pp. 51-69.
8. Vasyutinskaya D. A. Kogda avtorskoe pravo bylo drugim: Avraam Firkovich i Rhabilitation otca russkoj gebraistiki Daniila Hvol'sona. *Materialy X ezhegodnoj mezhdunarodnoj mezhdisciplinarnoj konferencii po iudaike*, Moscow, 2003, Part 1, pp. 367-377.
9. Vihnovich V. V. *Karaim Avraam Firkovich*. S-Petersburg, Akademiya issledovaniya kul'tury Publ., 2012, 368 p.
10. Gercen A. G. Krepostnoj ansambl' Mangupa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1990, vol. I, pp. 88-271.
11. Gercen A. G. Arheologicheskie issledovaniya karaimskih pamyatnikov v Krymu. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1998, vol. VI, pp. 744-751.
12. Dan'shin D. I. Fanagorijskaya obshchina iudeev. *Vestnik drevnei istorii*, 1993, No. 1, pp. 59-73.
13. Darkevich V. P. *Svyazi Vostochnoj Evropy so stranami Azii i Vizantii v IX-XIII vv.* Moscow, Nauka Publ., 1976.
14. Drachuk V. S. *Sistemy znakov Severnogo Prichernomor'ya*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1975, 176 p.
15. Dubnov S. M. Istoricheskaya tajna Kryma. I. Periody krymskoj istorii. *Evrejskaya starina*, Petrograd, 1914, T. V, pp. 1-21.
16. Kashaev S. V., Kashovskaya N. V. Dve nadgrobnye plity iz stanicy Vyshesteblievskoj bliz Tamani. *Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "Bosporskij fenomen: grecheskaya kul'tura na periferii antichnogo mira"*, S-Petersburg, 1999, pp. 332-337.
17. Kashaev S. V., Kashovskaya N. V. Kamni i nadpisi Bospora. *Vostochnaya kollekcija*, Moscow, Rossijskaya gosudarstvennaya biblioteka Publ., 2006, pp. 55-60.
18. Kashaev S. V., Kashovskaya N. V. Iudejskaya diaspora na Bospore po dannym arheologii. *ARCHEOLOGIA ABRHAMICA. Issledovaniya v oblasti arheologii i hudozhestvennoj tradicii iudaizma, hristianstva i islama*, Moscow, Indrik, 2009, pp. 55-79.
19. Kashovskaya N. V., Kashaev S. V. Iudei na Bospore (arheologicheskij kontekst). *Materialy XIII ezhegodnoj mezhdunarodnoj mezhdisciplinarnoj konferencii po iudaike*, Moscow, 2004, pp. 14-23.
20. Kashovskaya N. V. Zametki po iudejskoj ehpiigrafike Mangupa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2003, vol. X, pp. 556-561.
21. Kashovskaya N. V. O nadgrobnoj plite iz «Krymskogo sbornika» P. I. Keppena. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2007, vol. XIII, pp. 475-482.
22. Kashovskaya N. V. Ob odnoj nadgrobnoj plite iz «Krymskogo sbornika» P. I. Keppena. *Istoriograficheskie zametki. Problemy evrejskoj istorii*, Moscow, 2008, pp. 63-71.
23. Kashovskaya N. V. Iudejskij prozelitizm na Bospore: irancy v iudejskoj obshchine. *Ukrains'ka orientalistika*, Kiïv, 2011, pp. 188-222.
24. Kashovskaya N. V. Korpus ehpitafij iudejskogo kladbishcha Mangup-Kale kak istoricheskij istochnik. Zavershenie sistematizacii ehpitafij i obobshchenie rezul'tatov issledovaniya. *Trudy Gosudarstvennogo muzeia istorii religii*, S-Petersburg, 2013, vol. 13, pp. 250-276, 317-334.
25. Kashovskaya N. V. Iudei v istoricheskom prostranstve Dagestana (iz opyta katalogizacii evrejskikh nadgrobnyh pamyatnikov Yuzhnogo Dagestana). *Kavkaz: perekrestok kul'tur*, S-Petersburg, 2015, pp. 97-116.
26. Kashovskaya N. V. Estampazhi srednevekovykh evrejskikh nadgrobnyh tekstov nekropolya Mangup (Krym) A. YA. Gidalevicha iz fondov IVR RAN. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta V. I. Vernadskogo. Seriya «Istoricheskie nauki»*, Simferopol, 2016, T. 2(68), No. 1, pp. 100-116.
27. Keppen P. I. *Krymskij sbornik: o drevnostyah yuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh*. S-Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk Publ., 1837, 409 p.
28. Kizilov M. B. Karaimskie nekropoli Chufut-Kale i Mangupa po opisaniyam puteshestvennikov i uchenykh XVIII-XIX vv. *Materialy VIII ezhegodnoj mezhdunarodnoj mezhdisciplinarnoj konferencii po iudaike*, Moscow, 2001, Part 1, pp. 191-205.
29. Kizilov M. B. Krymskie «peshchernye goroda» po opisaniyu E. Skimunta (Poyata). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2002, vol. IX, pp. 543-548.
30. Kizilov M. B. *Krymskaya Gotiya*. Simferopol, 2015, 351 p.
31. Kokizov Yu. D. *Sorok chetyre nadgrobnyh pamyatnika*. S-Petersburg, I. Lur'e i K° Publ., 1910, 48 p.
32. Kondaraki V. H. Mangup-Kale. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei*, 1872, T. VIII, pp. 419-426.
33. Kondaraki V. H. *Universal'noe opisanie Kryma*. S-Petersburg, V. Villing Publ., 1875, Part 15, 235 p.
34. Kondaraki V. H. *V pamyat' stoletiya Kryma*. Moscow, V. V. Chicherin Publ., 1883, T. 2, 277 p.
35. *Korpus Bosporskikh nadpisej*. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965, 951 p.
36. Kuznecov V. P. Istoriya razvitiya formy kresta. Kratkij kurs pravoslavnoj stavrografii. *Zhizn' vechnaya*, Moscow, 1997, 40 p.
37. Kunik A. Tohtamysch i Firkovich. *Zapiski Imperatorskoj Akademii nauk, Prilozhenie k XXVII tomu*, S-Petersburg, 1876, No. 3, pp. 4-17.
38. Leper R. H. Arheologicheskie issledovaniya na Mangupe v 1912 g. *Izvestiia Arkheologicheskoi Komissii*, 1913, No. 47, pp. 146-254.
39. Leper R. H. Soobshchenie Lepera R. H. o raskopkakh na Mangupe 1913 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 1914, vol. 51, pp. 297-300.
40. Levi-Bobovich T. S. *Ocherk vzniknoveniya karaimizma*. Sevastopol, 1913, 98 p.
41. Levinskaya I. A. Chtyashchie Boga Vysochajshego. *Etyudy po antichnoj istorii i kul'ture Severnogo Prichernomor'ya*, S-Petersburg, 1992, pp. 129-145.
42. Levinskaya I. A. Deyaniya apostolov na fone evrejskoj diaspory. S-Petersburg, Logos Publ., 2000, 351 p.

43. Lyucenko A. E. Drevnie evrejskie nadgrobye pamyatniki, otkrytye v nasypyah fanagorijskogo gorodishcha. *Trudy III Mezhdunarodnogo s'ezda orientalistov*, S-Petersburg, 1876, T. 1.
44. Markov E. L. *Ocherki Kryma*. S-Petersburg, Tavriya Publ., 1995, 543 p.
45. Markevich A. I. *Tavricheskaya guberniya vo vremya Krymskoj vojny. Po arhivnym materialam*. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 1994, 179 p.
46. Marti Yu. Yu. Novye ehpigraficheskie pamyatniki Bospora. *Izvestia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury*, Moscow, Leningrad, 1934, pp. 57-89.
47. Mihnevich I. *O Evrejskih manuskriptah, hranyashchih v muzeume Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostej*. Odessa, 1848, T. 2, pp. 47-77.
48. Pallas P. S. *Nablyudeniya, sdelannye vo vremya puteshestviya po yuzhnyim namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793-1794 godah*. Moscow, Nauka Publ., 1999, 249 pp.
49. Parshina E. A. Eski-Kermenskaya bazilika. *Arhitekturno-arheologicheskie issledovaniya v Krymu*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1988, pp. 36-59.
50. Semenov-Tyan'-Shanskii V. P. (Ed.). *Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva. Nastol'naya i dorozhnaya karta. Novorossiya i Krym*. S-Petersburg, 1910, T. XIV, 982 p.
51. Solomonik E. I. Drevnejšie evrejskie poseleniya i obshchiny v Krymu. *Evrei Kryma. Ocherki istorii*, Simferopol, Ierusalim, Mosty Publ., 1997, pp. 9-23.
52. Starkova K. B. Rukopisi kolekcii A. S. Firkovicha v GPB im. M. E. Saltykova-Shchedrina. *Pis'mennye pamyatniki Vostoka. Ezhegodnik. 1970 g.*, Moscow, 1974, pp. 165-192.
53. Fedorchuk A. M. Nahodki i zagadki Avraama Firkovicha. *Vostochnaya kollekcija*, Moscow, Rossijskaya gosudarstvennaya biblioteka Publ., 2006, pp. 77-88.
54. Firkovich A. S. *Sefer Avne-Zikkaron* (ויילנא שנתתרל"בלפ"ק. ספר אבני זכרון). Vilno, 1872.
55. Firkovich M. Ya. *Starinnyj karaimskij gorodok Kale*. Vilno, I. Cionson Publ., 1907, 48 p.
56. Hvol'son D. A. *Vosemnadcat' evrejskih nadpisej*. S-Petersburg, M. Ettinger Publ., 1866, 188 p.
57. Hvol'son D. A. Evrejskie drevnosti v Krymu. *Trudy Pervogo Arheologicheskogo s'ezda v Moskve 1869 g.* Moscow, 1871, T. II, pp. 853-860.
58. Hvol'son D. A. *Sbornik evrejskih nadgrobyh nadpisej, soderzhashchie nadgrobye nadpisi iz Kryma i drugie nadgrobye nadpisi iz inyh mest, v drevnem evrejskom kvadratnom shrifte, takzhe obrazy shriftoy iz rukopisej ot IX-XV stoletiya*. S-Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk Publ., 1884, 528 p.
59. Chlenov M. A. *Vvedenie v grammatologiyu*. URL: <http://www.hebrew.su/heb/organizations/universities/Maimonides/Programs/grammatologia>.
60. Shapira D. *Evrei v Severnom Prichernomor'e ot drevnosti do rannego srednevekov'ya. Mangup. Istorija evrejskogo naroda v Rossii*, Moskva, Ierusalim, 2010, T. I.
61. Shkorpil V. V. Nadgrobye nadpisi, priobretennye Melik-Chesmenskim muzeem v 1899 godu. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostej*, 1900, T. XXII, pp. 58-65, 101-108.
62. Shtrak G. M., Garkavi A. Ya. O kollekcii vostochnyh rukopisej A. S. Firkovicha, nahodyashchih v Chufut-Kale. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*, 1875, No. 3, pp. 5-49.
63. Yusupov G. V. *Vvedenie v bulgaro-tatarskuyu ehpigrafiku*. Moscow, Leningrad, 1960, 322 p.
64. Yajlenko V. P. Materialy po Bosporskoj ehpigrafike. *Nadpisi i yazyki drevnej Maloj Azii, Kipra i Antichnogo Severnogo Prichernomor'ya*, Moscow, 1987, pp. 4-199.
65. Yacenko S. A. *Znaki-tamgi iranoyazychnyh narodov drevnosti i rannego srednevekov'ya*. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2001, pp. 3-187.
66. Dunlop D. M. *The History of the Jewish Khazars*. New-York, 1954, 294 p.
67. Harkavi A. *Altjüdische Denkmäler aus der Krim, mitgetheilt von Abraham Firkowitsch (1839-1872)*. S-Peterburg, 1876, 254 p.
68. Latyshev V. *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*. Petropoli, 1916, 594 p.

Кашовская Н. В.

**К итогам изучения караимского некрополя в ущелье Табана-дере (Мангуп):
проблемы хронологии и периодизации**

Резюме

На протяжении ряда полевых сезонов (1990-1995, 2005-2010 гг.) на иудейском некрополе Мангупа были проведены работы с целью максимального обнаружения уцелевших надгробий, их паспортизации, топографической фиксации, составления каталога надписей и определения их датировки. На могильнике обнаружено и зафиксировано 1008 надгробных памятников, из которых 228 надгробий снабжены текстами. Изучение эпитафий позволило определить общую хронологию могильника Табана-дере и период пребывания иудейской общины на Мангупе — 40-е гг. XV — 70-е гг. XVIII вв.

Еще один важный вывод касается состава первоначальной иудейской общины на городище и исходного района ее миграции. Ядро общины составили 4-5 семейств евреев-романиотов, переселение которых происходило в 30-40-е гг. XV в. из византийского Константинополя в столицу княжества Феодоро.

Ключевые слова: Мангуп-Кале, Чуфут-Кале, Константинополь, Табана-дере, иудеи, евреи, караимы, кладбище, некрополь, могильник, надгробный камень, эпитафия, эстампаж.

Kashovskaia N. V.

**On the Results of the Study of the Karaite Cemetery in Tabana-Dere Ravine:
The Aspects of Chronology and Periodization**

Summary

During a few field seasons (1990-1995, 2005-2010), the aim of our works on the Jewish cemetery of Mangup was to discover as much intact tombstones as possible, to supply them with documents, to record their topography, to catalogue the inscriptions, and to determine their chronology. In this cemetery, we have discovered and recorded 1,008 tombstones, 228 of which were inscribed. The study of the epitaphs made it possible to determine the general chronology of the Taban-Dere burial ground and the period when the Jewish community lived in Mangup as the 1440s to 1770s AD.

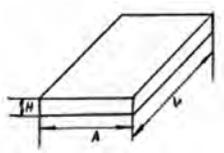
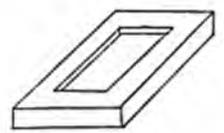
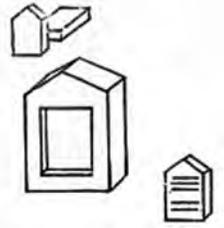
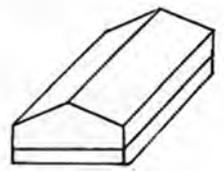
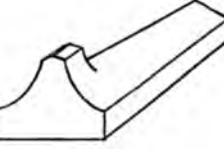
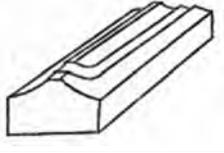
Another important conclusion concerns the composition of the original Jewish community residing in the city and the area whence it came to the Crimea. The core of the community comprised four or five families of the Romaniote Jews, who migrated from Byzantine Constantinople to the Theodoro principality capital in the 1430s-1440s.

Keywords: Mangup-Kale, Chufut-Kale, Constantinople, Tabana-Dere, Jews, Karaites, cemetery, necropolis, burial, tombstone, epitaph, squeeze.

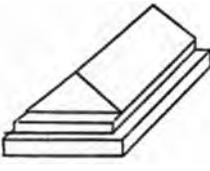
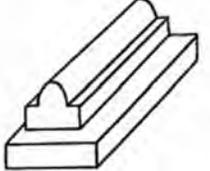
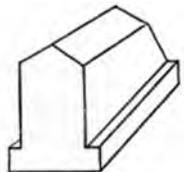
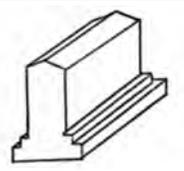
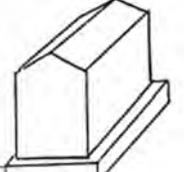
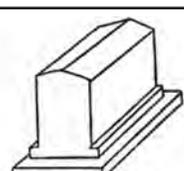
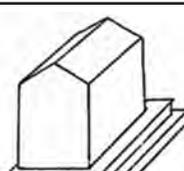
Приложения

Таблица 1.

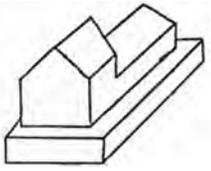
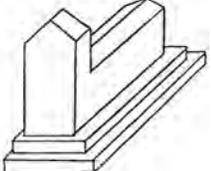
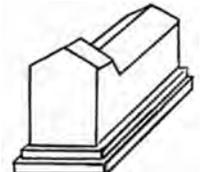
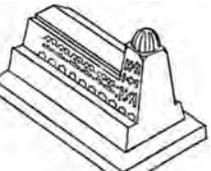
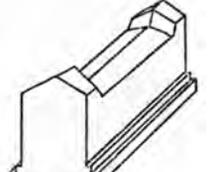
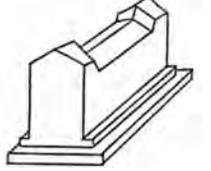
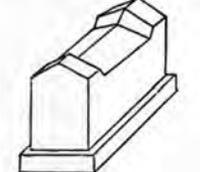
Архетипы надгробий некрополя Табана-Дере

№ по п/п	ТИПОЛОГИЯ				
	Тип	модель	габариты		
			Н	А	L
1	4	5	6	7	8
1	2	3	4	5	6
1	A		30.56	48.9	138.84
	Aa		90	62.0	81.0
2	B Ba Bb Bc Bd		67.0	37.0	120.0
			59.0	36.0	9.0
			10.0	61.0	174.0
			60.0	37.0	10.0
			24.0	62.0	165.0
			89.0	42.0	16.3
67.0	43.0	11.0			
3	C		34.49	41.63	138.8
	Ca		66.0	46.0	182.0
	Cb		67.0 75.0	40.0 37.0	174.0 174.0

Продолжение таблицы 1.

1	2	3	4	5	6
	Cc		46.0 41.0	68.0 69.0	180.0 162.0
	Cd		36.0 50.0	55.0 56.0	120.0 134.0
4	D		63.0	41.0	133.2
	Da		56.0	50.0	100.0
	Db		52.0 49.0	37.0 42.0	110.0 133.2
	Dc		50.0	40.0	140.0
	Dd		40.0 64.0	30.0 69.0	160.0 180.0

Продолжение таблицы 1.

1	2	3	4	5	6
5	F		57.0	66.5	202.0
	Fa		49.3	58.17	130.4
	Fb		53.0 48.0	33.0 23.0	102.0 103.0
	Fc		53.0	74.0	136.0
6	G		72.0 66.0 60.0	50.5 48.0 48.0	144.1 117.0 76.0
	Ga		63.0 70.0 68.0 57.0	38.0 30.0 37.0 66.0	130.0 125.0 144.0 168.0
	Gb		48.61	32.58	101.6

Окончание таблицы 1.

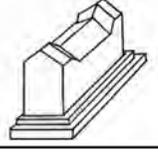
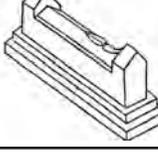
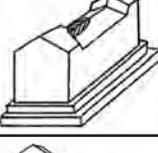
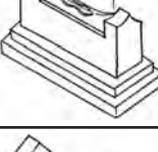
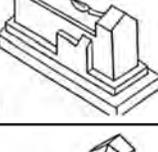
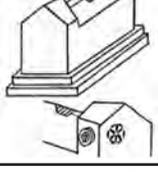
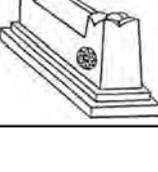
1	2	3	4	5	6
	Gc		59.8	44.5	130.8
	Gd		66.0	36.0	143.0
	Ge		52.0 53.0 75.0 44.0	50.0 40.0 35.0 45.0	130.0 122.5 98.0 108.0
	Gf		70.0	48.0	158.0
	Gg		73.0	50.0	164.0
	Gh		48.0 66.0 63.0	45.0 30.0 50.0	134.0 120.0 132.0
	Gi		57.0	75.0	165.0
	Gk		57.0	76.0	207.0

Таблица 2.

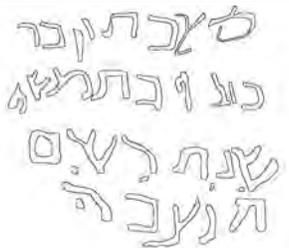
Продолжение таблицы 2.

Шрифты эпитафий (надгробных текстов) некрополя Табана-Дере

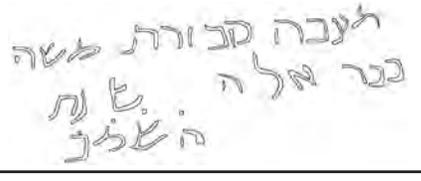
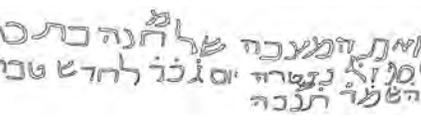
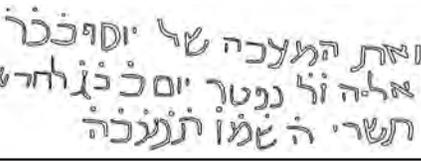
Парал- лели	Эпитафия (прорись)	Эпитафия (текст)	№ по топографии	№ по каталогу	груп- па
1	2	3	4	5	6
I					
840, 848		1 מצבת קבור[ת] 2 אפרוסיני בת 3 יוסף שנת 4 ה'ר"ט"ז	825	6	
825, 848		1 מצבת קבורת 2 חנה בת של [ום] 3 נ"ע בשנת ה'ר"ט"ו 4 ליצירה [ת](מצבה)	840	4	
825, 840		1 זה 2 זה הקבר של 3 משה בן 4 יצחק שנת 5 ה'ר"ד ליצירה 6 שלום	848	1	
II					
823, 821		1 מצבת קבר 2 אסתר בת [כ"ר] 3 יוסף שנת ה'ר"ט"ו	823	9	
821, 828		1 זה הקבר של שר שלום בן 2 מושה שנת ה'ר"ל"א	821	2	

1	2	3	4	5	6
823, 828		1 זה הקבר מצבת 2 קבורת של שמו[אל] 3 [בר] משה[ן] שנת ה'ר"ט"ו 4 [ליצירה] ת'נצ'ב'ה	821	2	
III					
748, 742, 849		1 זה קבורת מרת מנ[...] 2 בת נחמן[ן] שנת הרלה	752	11	
742, 752, 849		1 [ק]בורת מרת חנה [בת] 2 שב[תי] בשנת הרל"ז	748	15	
748, 752, 849		1 [.....] 2 אליה [ב] 3 חנוכה [ש]נת 4 ה'ר"ל"ו	742	12	
742, 748, 752		1 זה הקבר של אברהם 2 בן משה שנת 3 ה'ר"ל"ו ליצירה	849	14	
IV					
724, 755, 802		1 [ז]ה הקבר של ר' יאשיהו בן 2 ר' מרדכי שנת ה'ר"כ"ח 3 ליצירה	851	8	
724, 755, 851		1 זה הקבר של ר' מרדכי בן 2 ר' יאשיהו שנת הרס"א 3 ליצירה העולם	802	17	
755, 802, 851		1 זה הקבר של אהרן שנת 2 הרס"ב ליצירה 3 העולם	724	18	
724, 802, 851		1 זה הקבר [של מרת] אסתר בת משה[ן] 2 [שנת] הרענ[ן] ליצירה העולם	755	19	

Продолжение таблицы 2.

1	2	3	4	5	6
V					
660, 663, 657, 687		1. מצבה 2. קבורת שבת 3. ב' [ר] משה 4. שנת השיה 5. [ת]נ'צ'ב'ה'	662	25	
660, 663, 657, 687		1. [זאת המצבה קבורת] צדוק 2. ז'ל' כ'ר' שבת[ן] שנת השנו 3. תנצבה	663	56	
662, 663, 657, 687		1. מצבת 2. קבורת חנה 3. ב' [ת] משה 4. שנת ה'ש'ט'ו' 5. ת'נ'צ'ב'ה'	660	26	
660, 662, 663, 687		1. מצבת קבורת 2. כולף בת משה 3. שנת השם 4. ת'נ'צ'ב'ה'	657	33	
		1. נמצה בה 2. מצגת [ביית] 3. יעקוב ב'כ'ר' 4. אלון [ב]חרון 5. ישראל את 6. הנצגת לאות 7. ולמשמרת 8. לאבן [כה]ן את 9. עליו מצא	687	203	

Продолжение таблицы 2.

1	2	3	4	5	6
VI					
621, 633, 635, 471, 482		1. מצבת קבורת מ' 2. [ב]ל'ינה בת משה 3. [שנת ה'ש'מ'ב']	608	37	
608, 633, 635, 471, 482		1. מצבת קבורת משה 2. ב'כ'ר' אליה שנת 3. ה'ש'מ'ב'	621	36	
608, 621, 633, 471, 482		1. מצבת קבורת שרה 2. בת יצחק שנת ה'ש'מ'ג'	635	38	
608, 621, 635, 471, 482		1. זאת המצבה של מ' חנה בת כ'ר' 2. יוסף ז'ל' נפטר יום ג' כ'ד' לחדש שבט 3. ה'ש'מ'ד' תלצ'ב'ה'	633	40	
608, 621, 633, 635, 471		[זאת] המצבה של יוסף ב'כ'ר' 2. אליה ז'ל' נפטר יום ב' כ"ג' לחדש 3. תשרי ה'ש'מ'ו' תלצ'ב'ה'	482	46	
608, 621, 633, 635, 482		1. זאת המצבה של 2. [ר] יתחק ב'כ'ר' נתנאל 3. ז'ל' נפטר יום ה' י"ב' 4. לחדש תשרי תשמו (ה'ש'מ"ז) 5. ת'נ'צ'ב'ה'	471	45	
VII					
522, 586		1. מצבה קבורת אליה ב'כ'ר' 2. אהרן ז'ל' שנת השלו ת'נ'צ'ב'ה'	570	31	
570, 586		1. מצבה קבורת ברכה ב'כ'ר' 2. אהרן שנת ה'ש'מ"ו' [ת'נ'צ'ב'ה']	522	43	

Продолжение таблицы 2.

1	2	3	4	5	6
522, 570	צנח קבורתה י כת אליה אנתה שו	1. מצבת קבורת חנה 2. בת אליה שנת ה'שמ"ו	586	50	
VIII					
559, 560, 636, 654	ואת העלכה של יוסף בן כד אליה ואת בן כב שנה אנתה ה'ק"ו	1. זאת המצבה של יוסף בן כר' אליה 2. [נ]מת בן כ"ב שנה שנת ה'ש"י	545	22	
545, 559, 636, 654	זאת מעל חנה כת כל יוסף שנת הש"י תנענה	1. זאת מצבת [...] . 2. חנה בת כר' יוסף 3. שנת ה'ש"י תנענה	560	24	
545, 560, 636, 654	על קבורתה אסתר בת כר' אליה שנת ה'ש"י תנענה	1. זאת המצבת 2. על קבורת מ' אסתר 3. בת כר' אליה שנת 4. ה'ש"י תנענה	559	23	
545, 559, 560, 654	ואת העלכה של בשה בן יצחק נפטר יום י"א לחדש אדר שנת ה'ש"ו	1. זאת המצבה של 2. משה בן יצחק 3. נפטר יום י"א לחדש 4. אדר שנת ה'שמ"ו	636	42	
545, 559, 560, 636	כתה כותב ל כנור אברהם שנת ת"שנ ותנענה	1. [מצ]בות קבורת מ [...] . 2. בל"ר אברהם [...] . 3. שנת הש"ו תנענה	654	60	
IX					
517, 564, 571, 583	ואת העלכה של יוסף בן כד נפטר יום י"א לחדש שבת ה'ש"ו ליצרה תנענה	1. זאת המצבה של יעקב בן כ' משה 2. נפטר יום י"א לחדש שבת[ט] שנת 3. ה'שמ"ו ליצרה תנענה	656	41	

Продолжение таблицы 2.

1	2	3	4	5	6
564, 571, 583, 656	ואת העלכה של ברהם הלוי ויכונר חק הלוי שנת ה'ש"ו תנענה	1. זאת המצבה של 2. (כר'?) אברהם הלוי בן כר' 3. [צ]חק הלוי שנת 4. ה'ש"ו תנענה	517	28	
517, 564, 571, 656	אכה קבורה לנשכ כר' ר מרדכי שנת ה'ש"ו להרשאו	1. [מצ]בה קבורת מנשכ[נ] בת 2. ר' מרדכי שנת נפטר 3. ה'שמ"ב לחדש אדר	583	35	
517, 571, 583, 656	ואת העלכה של ישועה בן כר' אליה נפטר יום י"ב לחדש אדר שנת תשכ"א (השכ"א) ליצרה תנענה	1. זאת המצבה של כר' 2. ישועה בן כר' אליה 3. נפטר יום י"ב לחדש 4. אדר שנת תשכ"א (השכ"א) ליצרה 5. תנענה	564	27	
517, 564, 583, 656	לואל כונר ישועה שנת תשל"ו תנענה	1. [...] . 2. [שמ]ואל בן כר' ישועה 3. שנת תשל"ו (ה'ש"ו) תנענה	571	29	
X					
587, 624, 639	ואת המצבה של יצחק הקטן ככר אליה נכת נפטר כיום ד' נ לטבת שנת ה'שמ"ו ליצרה	1. זאת המצבה 2. של יצחק הקטן 3. בל"ר אליה נכת 4. נפטר ביום ד' כ' 5. לטבת שנת 6. ה'שמ"ב 7. ליצרה	587	34	
382, 587, 639	כח יצחק נפטר שנת לאדר שנת ה'שמ"ו ליצרה תנענה	1. [...] . 2. בת ר' יצחק נ[ב]ע[ ] 3. נפטר ביום ד' 4. לאדר שנת 5. ה'שמ"ו ליצרה 6. תנענה	624	39	

Продолжение таблицы 2.

1	2	3	4	5	6
382, 587, 624	וזאת המצבה של מ' ארזו בת לר' יצחק ז"ל נפטרה ביום ה' ל'ג' לשבט בשנת ה'שנ"ה' ליצרה נב"ת	1. זאת המצבה של מ' ארזו 2. בת לר' יצחק ז"ל נפטרה ביום ה' 3. ל'ג' לשבט בשנת ה'שנ"ה' ליצרה 4. נב"ת	639	52	
587, 624, 639	וזאת מצבת קבורה מ' אסתר הזקנה אשת לר' שבת הזקן ז"ל שנפטרה	1. זאת 2. מצבת קבורה 3. מ' אסתר הזקנה 4. אשת לר' שבת 5. הזקן ז"ל נפטרה	382	197	
XI					
158, 160	מצבת קבורה משה כ"ל אהרן שנת ה'ש' לה'תלצ"ה מצבת קבורה משה כ"ל אהרן שנת ה'ש' לה'תלצ"ה	1. מצבת קבורה משה ב"לר' 2. אהרון שנת ת'ש"ח' ת'נצ"ב"ה'	323	60	
158, 323	מצבת קבורה לוי ב"ר אהרן שנת ה'שנ"ח' ת'נצ"ב"ה'	1. מצבת קבורה 2. לוי ב"ר אהרן 3. שנת ה'שנ"ח' 4. ת'נצ"ב"ה'	160	58	
160, 323	מצבת קבורה שריה בת אליה שנת ה'שנ"ח' ת'נצ"ב"ה'	1. מצבת קבורה שריה בת 2. אליה שנת ת'ש"ח' (ה'שנ"ח') ת'נצ"ב"ה'	158	61	
XII					
674	המצבה של ר' יצחק הכהן ז"ל ס"ד אליהו נע שנפטרה ביום ה' [ב]' ל'תשרי שנת [ב]ש"מ' א"ש"א' כפי לפ"ק	1. [זאת] 2. מצבת של לר' יצחק הכהן 3. ז"ל ב"ר אליהו כהן נ"ע' שנפטרה ביום [ב]' 4. [ו] לתשרי שנת [ב]ש"מ' א"ש"א' כפי 5. לפ"ק	673	62	

Продолжение таблицы 2.

1	2	3	4	5	6
673	וזאת קבורה מ' אסתר בת ר' אלוה כהן יצ"ו שנפטרה ביום ד' כ"ב לסיון שנת ה'שס"ב ליצירה	1. זו מצבת קבורה 2. אסתר בת ר' אליהו 3. כהן יצ"ו שנפטרה 4. ביום ד' כ"ב לסיון שנת ה'שס"ב ליצירה	674	64	
673, 674	וזאת האבן מ' מורט בת יצחק הע"צ נפטרה ז"ס ו' הלחשו שנת ו'תל"מ י"מ אב"ל לפ"ק	1. זאת האבן מ' מורט בת יצחק 2. הע"צ נפטרה ז"ס ו' ח' לחשו 3. שנת ו'תל"מ י"מ אב"ל לפ"ק	961	100	
XIII					
658	הציון הזה של הנכח כ"ל כנה ז"ל נפטרה ז"ס ו' לעדר שנת ה'שנ"ח' ת'נצ"ב"ה' ליצירה	1. הציון הזה של חמכה ב"ר' בבה ז"ל' 2. נפטרה ז"ס ו' ג' עדר שנת ה'שנ"ח' 3. ת'נצ"ב"ה' ליצירה	618	53	
618	הציון הזה של פ"ב כ"ל בת חנוכה ז"ל נפטרה ז"ס ו' לעדר שנת ה'שנ"ח' ת'נצ"ב"ה' ליצירה	1. הציון הזה 2. של מ' ביכצה 3. בת חנוכה 4. ז"ל נפטרה 5. ז"ס ו' לעדר 6. שנת ה'שנ"ח' 7. ת'נצ"ב"ה' ליצירה 8. צירה	658	82	
XIVa					
228, 313	הציון הלו של יצחק כהן ז"ל עליהו הכהן ז"ל נפטרה ביום ה' כ"א לחשו ה'שנ"ב ליצירה	1. הציון [הזו]. 2. של יצחק. 3. כהן לר' אליהו 4. הכהן ז"ל נפטרה 5. ביום ה' כ"א לחשו 6. ה'שנ"ב ליצירה 7. נ"ב"ע'	350	94	

Продолжение таблицы 2.

1	2	3	4	5	6
228, 350	הציון הלו שול אברהם הקטן נפטר יום ג' נפטר יום ג' נפטר יום ג' נפטר יום ג' נפטר יום ג' נפטר יום ג' נפטר יום ג'	1. הציון הלו של 2. אברהם הקטן 3. ב'ל'ר' אליא זקן 4. נ'ע' ונפטר יום ג' 5. ב' לכסליו בשנת 6. ה'שפ"ב 7. ליצירה	313	97	
228, 350	הציון הלו של דניאל הקטן בר נחמוזק יצו נפטר יום ב' ולתשרי שנת העשפכ	1. הציון הלו 2. של דניאל 3. הקטן בר' 4. נחמן זקן יצו 5. נפטר יום ב' 6. ז' לתשרי 7. שנת השפכ	228	99	
XIVb					
	זאת המצבה של אליהו בן נפטר יום ג' נפטר יום ג' נפטר יום ג' נפטר יום ג' נפטר יום ג'	1. זאת המצבה 2. של אליהו בן 3. בר' יוסף ז"ל נפטר 4. יום ו' י' לחד' אדר 5. ה'שפ"ט תלצ"ב	531	51	

Продолжение таблицы 2.

1	2	3	4	5	6
XV					
925, 957	הציון הלו של ר' שבת נ'ע' כ"ר שמואל נפטר לחדש טבת שנת ה'שפ"ד ליציה נ'ע'	1. הציון 2. הלו של ר' 3. שבת נ'ע' 4. כ"ר שמואל 5. נפטר 6. לחדש טבת 7. שנת ה'שפ"ד ליציה 8. נ'ע'	385	103	
385, 925	הציון הלו של ר' דניאל הקטן בר' נפטר יום ב' ולתשרי שנת העשפכ ליצירה יעמ"ש	1. הציון הלו של 2. מרדכי ..... 3. הבחור בר' 4. אליה העשניר 5. מעיר כפה 6. נפטר ביום 7. א' כ"ו לאייר 8. שנת ה'שפ"ט 9. ליצירה יעמ"ש	957	112	
XVI					
403	[.....] כהר ירמיה הנדיב כושמואל נע נפטר כיום נפטר כיום נפטר כיום נפטר כיום נפטר כיום נפטר כיום	2. [.....] 3. ירמיה הנדיב 4. בן שמואל נ'ע' 5. נפטר ביום 6. ג' ל' לחשוון 7. ה'שצ"ב ליצירה 8. תלצ"ב	397	115	

Продолжение таблицы 2.

1	2	3	4	5	6
397	<p>שגא וטרה כזים כז לטבת השצז ליעיה תנצז ח</p>	<p>4. ש[נפ]טרה ביום 5. לג' לטבת 6. ה'ש'צז' ליעיה 7. ת'נ'צ'ב'ה'</p>	403	117	
XVII					
050	<p>וציון זה על קבור נז' טכטר הב' הולכה בכ' יצחק זל' נפטר ביו' ז'ה'ל'אל ההסה</p>	<p>1. וציון 2. זה על 3. קבורת מ' 4. טכטר הב' 5. תולה בל' 6. יצחק זל' 7. נפטר ביו' 8. זל' לאול 9. ה'ת'ס'ח'</p>	276	154	
276	<p>זאת נוצבחקבו ט'אלטין רנז' ערה הבתלה יפה וברהכת מ'אברהם הזקן יצונפט כז ינה אלול שנת ה'תפז'</p>	<p>1. זאת 2. מצבת קבר 3. מ' אלטין רנז' 4. ערה הבתולה 5. יפה וברה בת 6. לר' אברהם 7. הזקן יצ'נ' נפטר 8. ביו' ג' יח' אלול 9. שנת ה'ת'פ'ז'</p>	050	169	

Окончание таблицы 2.

1	2	3	4	5	6
XVIII					
491	<p>זאת מצבת קבר נזלי האישה צנועה היקרה והסדה הניכב רת נכת כר מזור רכי הזקן ה' זל' זוגת אליא ירושלמי ה' יצו' נפטר לחדש סיון שנת ה'תקלז' ת'נ'צ'ב'ה'</p>	<p>1. זאת 2. מצבת קבר 3. עלי האישה 4. צנועה היקרה 5. וחסדה הנכב 6. דת בת לר' מרד 7. כי הזקן ה' זל' 8. זוגת אליא 9. ירושלמי ה' יצו' 10. נפטר לחדש 11. סיון שנת ה'ת'ק'ל'ז' 12. ת'נ'צ'ב'ה'</p>	347	196	
347	<p>ציון הלו על קבר יעקב הניכב הזקן ירא האט ינשא פנים כז יזהורה הזקן היקר זל' נפטר ראש ה' שנה שנת ה'ת'ק'ל'ד' נב'ת'</p>	<p>1. הציון 2. הלו על קבר 3. יעקב הניכב 4. הזקן ירא האט 5. ונשא פנים 6. בל'ר' יהודה 7. הזקן היקר זל' 8. נפטר ראש ה' 9. שנה שנת 10. ה'ת'ק'ל'ד' נב'ת'</p>	491	195	